И. И. СМИРНОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

1944

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. И. СМИРНОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

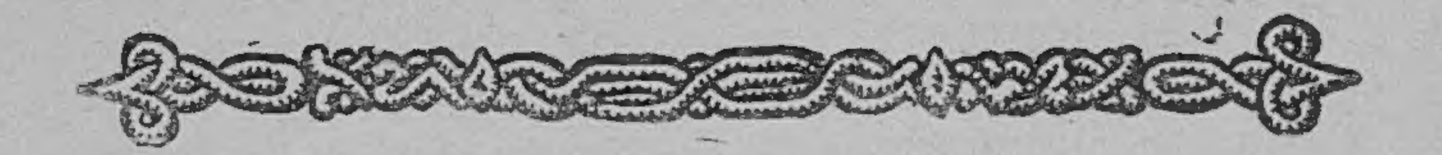
ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД · 1944

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Л. Петерсон* Техн. редактор *А. Хрош*

ОГИЗ • Госполитиздат • Ленинград • 1944
Цена 2 руб.
Подписано к печати 6/VII 1944 г. $3^3/_8$ печ. л. 4,59 уч.-авт. л.
50 688 тип. зн. в 1 п. л. Тираж 10 000 экз. М 03042. Заказ № 302.

4-я тип. ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига»
им. Евг. Соколовой.

ВВЕДЕНИЕ

Один писатель начала XVII в. оставил нам блестящий литературный портрет Ивана Грозного: «Царь Иван образом нелепым,[1] очи имея серы, нос протягновенен и покляп,[2] возрастом[3] велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты; муж чюднаго разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за своё отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данныя ему, жестокосерд велми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени, и многия святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жён и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующия ими от сокровища своего неоскудно подаваше. Таков бо бе царь Иван».

---

[1] нелепый — некрасивый.
[2] покляпый — крючковатый.
[3] возраст — рост.

В этом портрете, сделанном рукой младшего современника Ивана IV, удивительно ярко отразились противоречивые черты образа Грозного царя, личность которого с непреодолимой силой приковывала к себе внимание и современников и потомков, а деятельность вызывала смешанное чувство восхищения и ужаса. Интерес приведённой характеристики в том, что в ней сформулирован основной вопрос, над разрешением которого бились и современники Ивана Грозного и позднейшая историческая наука: как могло случиться, что «муж чюднаго разсуждения», блестящий оратор и писатель, патриот своего отечества, смелый завоеватель, защитник и покровитель русского воинства, — как могло случиться, что этот же самый царь Иван был «дерзостен и неумолим» на пролитие крови и убийства, погубил множество народа в своём государстве, разорил и пленил, подобно завоевателю, русские города и сёла и совершил ещё множество всяких недостойных поступков, вплоть до расправы со святителями церкви и самого грубого разврата?

Большинство исследователей признавало себя бессильными разрешить тайну Ивана Грозного, заявляя, подобно историку конца XVIII в. Щербатову, что Иван Грозный «в толь разных видах представляется, что часто не единым человеком является», или провозглашая, как Карамзин, что «характер Иоанна, героя добродетели в юности и неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка». Некоторые пытались искать выхода в перенесении проблемы Ивана Грозного из сферы политики в плоскость психологии или даже пси-

хиатрии, то открывая в Иване Грозном «художественную натуру», чьи поступки определяются не велением разума, а голосом чувства (К. Аксаков), то идя ещё дальше и просто ставя под сомнение состояние психики Ивана Грозного, превращавшегося под пером этих историков в кровавого безумца, одержимого манией величия (Н. К. Михайловский и др.).

Лишь очень немногие оказались в силах справиться с трудностями, перед которыми стояли все, сталкивавшиеся с личностью Ивана Грозного, — и прежде всего крупнейший русский историк XIX в. С. М. Соловьёв, отнесший Ивана Грозного к числу наиболее крупных государственных деятелей в истории России. [1]

Замечательно, однако, что официальная историческая наука оказывалась в резком противоречии с теми многочисленными народными песнями и сказками, героем которых являлся Грозный царь Иван Васильевич. В народном творчестве, посвящённом Ивану Грозному, поражает прежде всего огромный интерес, проявляемый народом к его эпохе, к наиболее ярким и важным событиям царствования Ивана Грозного. При этом Грозный царь выступает не просто как историческое лицо, а именно как *герой*, деяния которого воспеваются и прославляются в песнях. Таким героем он выступает и в песнях о взятии Казани («Он хитёр

---

[1] «Это был бесспорно самый даровитый государь, какого только нам представляет русская история до Петра Великого, самая блестящая личность из всех Рюриковичей» — так характеризовал С. М. Соловьёв Ивана Грозного.

и мудёр, мудрей в свете его нет») и в цикле песен о завоевании Сибири, где именно Иван Грозный оказывается единственным человеком, оценившим историческое значение подвига Ермака, в противовес «злодею боярину», хотевшему казнить Ермака.[1] Героем является Иван Грозный и в романтических песнях о женитьбе царя Ивана Васильевича на Марии Темрюковне, центральная тема которых — единоборство русских людей, защищающих честь русской земли, с Кастрюком, братом Марии Темрюковны. В этих песнях Иван Грозный воспевается как «содержатель всей Руси, сберегатель каменной Москвы», посылающий русских людей на бой с Кастрюком, похваляющимся «камену Москву нашу в полон себе взять». Наконец, в том же плане героизации Ивана Грозного построены и наиболее трагические по своему содержанию песни на тему об Иване Грозном и его сыновьях. В этих песнях особенно замечательно стремление оправдать Ивана Грозного от обвинения в убийстве своего сына (что, как известно, действительно имело место). В песне этот замысел приписывается Малюте Скуратову и боярам, которые, однако, терпят неудачу и несут жестокое наказание от царя («Я вас, бояре, всех в котле сварю»[2] — угрожает Иван Грозный). Так народная психология пыталась разрешить загадку опричнины, провозглашая Ивана Грозного борцом с боярской «изменой», а кровавые ужасы опричнины относя за счёт Малюты Скуратова.

---

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским, 1864, в. 6, стр. 38.

[2] Там же, стр. 85.

В таком отношении народного творчества к Ивану Грозному, несомненно, сказалась «царистская» психология народных масс крепостной России, искавших в личности Ивана IV черты «хорошего царя», мечтами о котором насыщена идеология угнетённых крестьянских низов, и идеализировавших деятельность Ивана Грозного.[1] Но вместе с тем во взгляде народа на Ивана Грозного сказалась вся сила народной мудрости, оценившей и прочно удержавшей в своём сознании действительно прогрессивные черты деятельности Ивана Грозного: укрепление России — и внешнеполитическое и внутригосударственное.

Образ Грозного царя, — который «грозен, батюшка, и милостив, он за правду милует, за неправду вешает»,[2] — этот образ, созданный народом, выдержал испытание времени. В исторической перспективе раскрылось всё значение и внешнеполитической стороны государственной деятельности Ивана Грозного, высоко оценённое в словах народной песни:

Вот настало времечко счастливое:
Уж и стал-то Грозный царь Рассеюшку любить,
Стал Рассеюшку любить, чужи страны с ней сводить.[3]

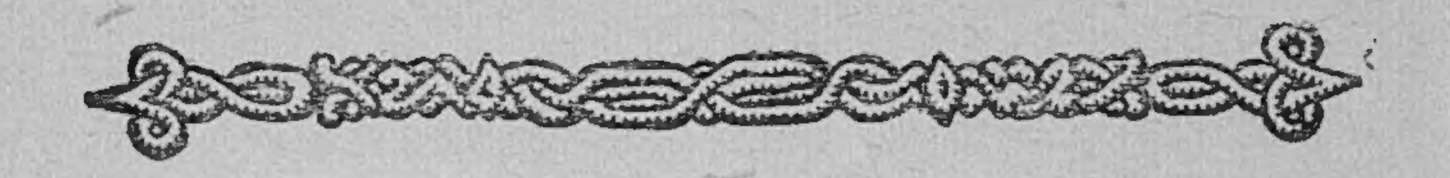
В наши дни в работах советских историков образ Ивана Грозного наполняется новым, научным содержанием, сохраняя в себе то основное и положительное, что оценил в деятельности Грозного царя народ.

---

[1] В одной сказке об Иване Грозном рассказывается о том, как вместо боярина, захотевшего стать царём, жребий пал на его холопа. Сделавшись царём, холоп казнил боярина и стал править под именем Ивана Грозного.

[2] Песни, собранные П. В. Киреевским, стр. 205.

[3] Там же, стр. 42.

ГЛАВА I

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

XV и XVI века в истории России можно определить как эпоху возникновения и формирования национального государства, пришедшего на смену феодальной раздробленности удельных времён.

Материальной основой процесса ликвидации феодальной раздробленности России и создания национального централизованного государства являлось постепенное преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель и установление рыночных связей между ними.

Вскрывая экономические основы сплочения национальных областей России в единое русское национальное государство, Ленин указывает, что слияние «всех таких областей, земель и княжеств в одно целое» «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[1]

---

[1] Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 137.

Этот процесс усиления обмена между областями, роста товарного обращения, развития небольших местных рынков и концентрирования их в один всероссийский рынок является важнейшей чертой экономического развития России в XV—XVI вв.

Наиболее существенным явлением в экономике России XV—XVI вв. является рост общественного разделения труда, находящий своё выражение в развитии ремесла, городов и торговли.

В течение XVI в. в России возникает (по данным Неволина и Чечулина) свыше 60 новых городов, причём особенно много новых городов создаётся в 50-х гг. XVI в. Наиболее крупными экономическими центрами в XVI в. были такие города, как Новгород, Псков, Тверь (ныне Калинин), Ярославль, Нижний-Новгород (ныне Горький), Казань, Астрахань, Вологда, Устюг Великий и др., экономические связи которых охватывали большие районы внутри страны и которые являлись также и центрами внешней торговли. Но наиболее крупное значение в экономике России XVI в. имела Москва, поражавшая своими размерами, количеством населения и оживлённой экономической жизнью не только русских людей, но и иностранцев. Ещё в конце XV в. венецианец Контарини отметил в своих записках о путешествии в Россию, что «в Москву во время зимы съезжается множество купцов из Германии и Польши». А посетивший Москву в 1553 г. Ричард Ченслер — первый англичанин, побывавший в России, — в отчёте о своей поездке писал, что, по его мнению, Москва «обширнее Лондона с его предместьями».

Экономическую характеристику русских го-

родов в XVI в. лучше всего можно сделать путём приведения статистических данных о ремесле и торговле. Торговля была широко развита в русском городе XVI в. Так, в Пскове, например, насчитывалась 1191 лавка, в Туле—294 лавки, в Коломне — 379 лавок и т. д.

Не менее показательны для экономической характеристики русских городов XVI в. данные о ремесле. Так, в Торопце в 1540 — 1541 гг. ремесленники составляли 10—12% городского населения; в Каргополе (в 60-х гг. XVI в.) — 27,3%; в Серпухове (1552 г.) — 22%; в Казани (1566—1568 гг.) — 21%; в Коломне (1577—1578 гг.) — 22%; в Туле (1588—1589 гг.) — 25,4%.

Таким образом, процесс отделения города от деревни сделал большие успехи в России XVI в.

Рост ремесла и торговли в XVI в. не ограничивался рамками городов. Ремесленно-торговые центры развиваются и в деревне, где возникает особый тип поселений, так называемые «рядки» или «торжки», большинство населения которых составляют уже не крестьяне, а «непашенные» люди — ремесленники и торговцы. Ярким примером такого деревенского ремесленно-торгового центра может служить с. Медна Новоторжского уезда. Из сохранившегося описания этого села 1544 г. видно, что в Медне крестьянских «пашенных» дворов было всего 15, а «непашенных» — 56, из которых: 1 двор овчинников, 8 дворов портных мастеров, 8 дворов сапожников, 4 двора кузнецов, 6 дворов калачников, 4 двора хлебников, 1 двор горшечников и т. д. А по данным описания 1587—1588 гг. в Медне имелось 19 лавок, в которых торговали «тутошние люди».

Столь же интенсивно шло развитие и внешнеторговых связей Русского государства. Россия вела в XVI в. торговлю со всеми важнейшими странами Западной Европы, причём во второй половине века особенное развитие получила русско-английская торговля. В то же время продолжала сохранять всё своё значение и издревле существовавшая торговля с странами Востока: с Кавказом, Средней Азией, Ираном, Турцией, Крымом. Насколько обширны были международные торговые связи России в XVI в., можно судить хотя бы по ярмарке в городе Холопьем (недалеко от г. Углича, ныне не существует). По описанию современника, иностранца Генриха Штадена, в г. Холопьем «круглый год бывал обычно торг: на нём встречались: турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, ногаи, черкесы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке».

Рост рыночных связей и торговли в Русском государстве XVI в. резко увеличивает значение денег. «Поистине ныне золотой век, — говорит один публицист первой половины XVI в.,— с золотом приходит сан, с золотом советуется любовь... Богатство даёт саны, дружбу... А бедняк везде лежит в праздности». Ирония, звучащая в этих словах, неслучайна. Увеличение роли денег в экономике России XVI в. жестоко ударяло по интересам княжеско-боярской знати, хозяйство которой покоилось на натуральных повинностях крепостных крестьян. Исследователи экономической истории России давно уже установили огромный рост задолженности князей и бояр в XVI в. (долги которых достигали десят-

ков и сотен тысяч золотых рублей), справедливо видя в этих долгах феодальной знати выражение неспособности боярства приспособиться к новым условиям жизни. Столь же ярким показателем остроты проблемы денег в XVI в. может служить развитие фальсификации и порчи монеты, достигшее таких размеров, что вынудило правительство провести в 1535 г. даже целую денежную реформу — введение новой монеты.

Рост общественного разделения труда и растущее товарное обращение нашли своё отражение в существенном изменении характера крестьянских повинностей. Уже во второй половине XV в. натуральные повинности крестьянства — барщина и оброк — начинают заменяться денежным оброком. В XVI в. этот процесс ещё более усиливается. Землевладельцы усиленно стремятся выжимать из крестьян как можно больше денег. Это находит своё выражение и в росте удельного веса денежного оброка в общей массе крестьянских повинностей и в увеличении размера крестьянских повинностей путём усиления степени эксплуатации крестьян.

Будучи временем больших и глубоких сдвигов в области экономики, эпоха образования русского национального государства характеризуется не менее важными изменениями в сфере классовых отношений. Среди этих изменений на первое место надо поставить изменения в строении самого господствующего класса — феодальных землевладельцев, — заключавшиеся в сформировании внутри феодального класса мощного слоя помещиков-дворян.

Дворянство окончательно складывается как особая группа внутри феодального класса в те-

чение второй половины XV — первой половины XVI в. Юридическим выражением этого процесса было создание поместного землевладения и военного сословия служилых людей. «Предками» дворянства, т. е. тем социальным слоем, из которого вырастает дворянство, являлась многочисленная прослойка так называемых «слуг под дворским», которые составляли главную массу населения княжеских и боярских дворов во времена феодальной раздробленности. Значительная часть этих «слуг под дворским» поднялась до своего состояния из холопов, а известная часть даже продолжала юридически ещё оставаться в холопстве. Но в социальном, классовом отношении эти «слуги под дворским» являлись уже представителями господствующего феодального класса, ибо они обладали земельными владениями и крестьянами (а также холопами). Вместе с тем «слуги под дворским» продолжали сохранять зависимость от князя или боярина. Каждый из «слуг под дворским» занимал какую-нибудь должность в администрации княжеского или боярского двора: ключника, приказчика, псаря, конюха, садовника, бортника и т. д. — и был подчинён дворскому или дворецкому, ведавшему хозяйством князя или боярина. Другим выражением зависимости «слуг под дворским» являлось то, что их права владения землёй носили условный характер, сохраняясь лишь при условии несения ими службы. В случае же прекращения службы князю или боярину «слуга под дворским» лишался и земли.

Весь этот мелкий феодальный вассалитет был коренным образом заинтересован в создании централизованного национального государства, ибо ликвидация феодальной раздробленности

означала ликвидацию тех мелких феодальных вотчин — сеньорий, внутри которых обитало подавляющее большинство мелкого и мельчайшего феодального вассалитета, а вместе с тем и освобождение его от уз вассальной зависимости по отношению к его бывшим сеньорам.

Уничтожение княжеских и боярских сеньорий в процессе образования централизованного национального государства не превращало, однако, бывших княжеских и боярских слуг в землевладельцев-вотчинников, свободных от какой бы то ни было зависимости. Включая в состав Русского государства территории удельных княжеств, московские великие князья присваивали себе вместе с тем и права бывших владетелей этих земель по отношению к их прежним вассалам, превращая княжеских и боярских слуг в непосредственных вассалов великого князя — в «государевых служилых людей» — помещиков. При этом земли, которыми владели княжеские и боярские слуги, объявлялись «землями великого князя» и раздавались этим же лицам «в поместье», т. е. во владение, обусловленное службой великому князю.

Превращение «слуг под дворским» в «государевых служилых людей» — помещиков сопровождалось чрезвычайно важным и существенным изменением характера той службы, которой они были обязаны по отношению к своему господину: вместо несения службы внутри вотчинного хозяйства, основной и единственной обязанностью государевых служилых людей — помещиков становилась служба в войске великого князя. Это изменение характера вассальных обязанностей бывших «слуг под дворским» с превращением их в «государевых служилых

людей» вытекало из коренного изменения природы армии в период образования централизованного национального государства по сравнению с периодом феодальной раздробленности.

Важнейшим орудием осуществления политики великокняжеской власти в деле создания централизованного национального государства являлась армия. Очевидно, для того, чтобы армия могла стать орудием проведения великокняжеской политики, она сама должна была подвергнуться коренной реорганизации. Сущность этого процесса (применительно к Западной Европе) вскрыл Энгельс. Перестройка армии заключалась в том, что королевская власть стремилась освободиться от «феодального войска», состоявшего из отдельных отрядов, в которых «солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующим королевской армией», и создать «собственное войско».[1]

В России процесс создания этой армии нового типа происходит в совершенно аналогичных формах. Превращая мелкий вассалитет княжеских и боярских дворов в великокняжеских служилых людей, обязанных нести военную службу в великокняжеском войске, московские великие князья сколачивали таким образом кадр людей, из которых можно было создать армию, построенную на принципе централизации и тесно и непосредственно зависимую от великокняжеской власти. Ибо исправным несением военной службы «государевыми служилыми людьми» обусловливалось их право землевладения.

Поддержка низшими слоями феодальных зем-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 447.

левладельцев объединительной и централизаторской политики московских великих князей объясняется не только тем, что ликвидация феодальной раздробленности освобождала княжеских и боярских слуг от их вассальной зависимости от князей и бояр. В не меньшей степени феодальный вассалитет был заинтересован и в той стороне процесса ликвидации феодальной раздробленности, которая выражалась в создании крепкого централизованного аппарата власти и управления. В отличие от высших слоёв феодальной знати, обладавших почти неограниченной политической властью над населением своих вотчин и стремившихся главным образом к тому, чтобы не допускать вмешательства центральной власти в отношения между собой и своими крестьянами, — что достигалось ими при помощи судебных и финансовых привилегий (иммунитетов[1]), обладание которыми являлось составной частью феодальных прав княжеско-боярской верхушки феодалов, — мелкий феодальный вассалитет не обладал иммунитетом, напротив, сам находился под защитой княжеского или боярского иммунитета и не имел вотчинных органов власти, при помощи которых он мог бы осуществлять политическую власть над крестьянами. Поэтому он был заинтересован в создании достаточно мощной центральной власти, которая могла бы обеспечить защиту его собственности и удерживать в покорности феодально зависимое крестьянство. Такой

---

[1] Иммунитет — феодальная привилегия, состоявшая в том, что право суда и обложения налогами населения княжеской или боярской вотчины принадлежало не центральной власти, а самому владельцу этой вотчины.

властью могла быть только великокняжеская власть.

Второй важнейшей чертой, характеризующей изменения в области классовых отношений в Русском государстве XV—XVI вв., было возрастание удельного веса и усиление политической активности городского посадского населения. Рост русских городов в XV—XVI вв. сопровождался и соответствующим ростом политического веса и значения городского населения в жизни страны. Население городов активно поддерживало московских государей в их политике строительства и укрепления русского национального государства, ибо установление национального единства и национальной государственности русского народа открывало широкие перспективы для развития экономики и культуры России.

В своей борьбе за создание и укрепление русского национального государства московские государи опирались на поддержку самых широких народных масс, заинтересованных в ликвидации феодальных усобиц и устранении политических перегородок между отдельными частями русской земли. Молодому Русскому государству, однако, противостояли мощные враждебные силы в лице князей и бояр, ведших ожесточённую борьбу, направленную на реставрацию и консервацию старых порядков феодальной раздробленности. Эта борьба была тем опаснее, что княжеско-боярские круги обладали огромной экономической и политической силой, сохранив и внутри объединённого Русского государства большую часть своих земельных владений и связанные с этими владениями политические права: вотчинный суд, са-

мостоятельные военные силы, финансовые привилегии и т. п. В своей борьбе против московских государей князья и бояре опирались также на силу феодальных традиций и связей, превращавших феодальную оппозицию в сплочённую группу родовитой знати.

Так эпоха создания русского национального государства выступает перед нами как время острой и напряжённой борьбы: старого и нового, прогрессивных и реакционных сил, носителей национального развития и представителей феодальной реакции. Эта борьба не только не ослабевает по мере роста и укрепления Русского государства, но, напротив, всё более нарастает и обостряется, достигая своей высшей точки при Иване Грозном, когда бурные столкновения борющихся классов превращают царствование Ивана Грозного в эпоху кровавых казней и убийств, политических заговоров, государственных переворотов и народных возмущений.

ГЛАВА II

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Иван Грозный родился в момент нового обострения борьбы между московскими государями и их феодальными противниками. Характерной особенностью этой политической борьбы было то, что она обычно принимала форму борьбы династической. Во главе враждебных московским государям княжеско-боярских группировок оказывались члены московского великокняжеского рода, обычно их младшие братья, претендовавшие на соучастие в управлении государством на равных правах со старшим, державным

братом, который, в свою очередь, напротив, стремился ликвидировать эти притязания и низвести своих братьев до положения подданных.

Мать Ивана Грозного была второй женой его отца. В 1525 г. Василий III расторг первый брак, мотивируя это решение бесплодием своей жены, и женился вторично на племяннице видного эмигранта из Литвы, князя Михаила Львовича Глинского, Елене Васильевне Глинской.

Этот акт великого князя вызвал огромное недовольство среди княжеско-боярской знати, расценивавшей действия Василия III как удар по престижу знатных родов Русского государства и оскорбление их, причём двояко: и тем, что первая жена Василия III, Соломония, из рода бояр Сабуровых, была обесчещена и насильственно пострижена в монахини; и тем, что новая супруга великого князя не была избрана им из среды русских княжеских или боярских родов, а оказалась иноземкой.

Политическая подоплёка всех этих дел заключалась в том, что и своим разводом и женитьбой Василий III демонстрировал нежелание считаться с позицией боярства. 25 августа 1530 г. у Василия III родился сын, получивший имя Ивана. Рождение сына разрешало проблему престолонаследия и лишало братьев Василия III, удельных князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, перспективы наследовать московский великокняжеский стол после смерти старшего брата. Это ещё больше обострило и без того весьма напряжённые отношения между Василием III и его братьями.

Осенью 1533 г. Василий III простудился во время охоты и смертельно заболел.

Отсутствие у Василия III взрослого наследника создавало исключительно благоприятную обстановку для борьбы за власть со стороны княжеско-боярских кругов. И все попытки умирающего великого князя предотвратить эту борьбу (путём тайного уничтожения старого завещания и составления нового в пользу сына, приведения к присяге на верность Ивану IV наиболее видных представителей княжеской и боярской знати, в первую очередь своих братьев, а также путём организации особого регентского совета, долженствовавшего править во время малолетства Ивана IV) не дали никаких результатов. Борьба за власть начинается тотчас после смерти Василия III и сразу же принимает исключительно острые формы. Первый заговор был раскрыт правительством уже через неделю после смерти Василия III. Во главе заговорщиков стояли дядя Ивана IV, князь Юрий Дмитровский, и виднейшие бояре, князья Шуйские. Заговор имел целью государственный переворот в пользу Юрия, которого заговорщики намеревались посадить «на великое княжение». В начале 1534 г. правительству (им были фактически великая княгиня Елена и её фаворит кн. И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский, устранившие регентский совет, назначенный Василием III, и взявшие власть в свои руки) пришлось иметь дело с новым враждебным выступлением — второго из братьев Василия III, князя Андрея Старицкого, потребовавшего новых земель к своему уделу и после отказа отъехавшего к себе в Старицу с гневом на Ивана IV и его мать. В том же 1534 г. правительство оказалось перед лицом ещё одного заговора, тем более опасного, что во главе его оказался дядя великой кня-

гини Елены, князь М. Л. Глинский, в пользу которого и готовилась очередная попытка государственного переворота.

Несмотря на быстроту и решительность, с которой правительство Елены расправилось со всеми заговорщиками 1533—1534 гг., борьба за власть со стороны княжат и бояр не прекратилась. Новая вспышка этой борьбы падает на 1537 г. На этот раз борьба принимает форму вооружённого мятежа, поднятого Андреем Старицким. Однако план Андрея, двинувшегося со своим отрядом из Старицы к Новгороду, поднять против московского правительства Новгород оказался построенным на песке. Хотя часть «новгородских помещиков» и примкнула к Андрею, Новгород в целом оказался враждебен мятежу и выслал против старицкого князя вооружённый заслон. Оказавшись запертым с фронта и тыла (из Москвы тоже были высланы войска против мятежников), Андрей Старицкий был вынужден сдаться. Мятеж был подавлен с беспощадной жестокостью: виселицы с мятежниками были уставлены вдоль всей дороги от Москвы до Новгорода.

В своей борьбе против княжеско-боярских заговорщиков и мятежников правительство Елены показало себя как решительного продолжателя политики Василия III. Эта основная линия на укрепление централизованного национального государства определяет и внешнюю и внутреннюю политику правительства Елены.

Внешняя политика правительства Елены характеризуется успешной борьбой Русского государства против Литвы, начавшей войну против России. Столь же успешна была и Восточная политика Елены: ей удалось, сочетая

методы военной и политической борьбы против Крымского и Казанского ханств, ликвидировать угрозу вторжения крымцев и казанцев в Русское государство.

В области внутренней политики правление Елены замечательно усиленным вниманием правительства к городам, нашедшим своё выражение в крупном городском строительстве — постройке в ряде городов: Владимире, Твери, Ярославле, Вологде, Новгороде Великом, Перми и др. новых городских стен (или ремонте старых) для защиты городского населения. Завершением этого строительства явилось сооружение Китайгородской стены в Москве вокруг московского торга. Тем же целям укрепления экономических основ Русского государства служила и другая важнейшая внутренняя реформа, проведённая правительством Елены, — выпуск новой серебряной монеты (получившей название «копейка» по изображению на ней фигуры всадника с копьём), заменившей монеты старого образца, среди которых обращалось много фальшивых денег.

Разгром мятежа Андрея Старицкого явился последним успехом правительства Елены. 3 апреля 1538 г. она умерла, причём современники считали, что её отравили бояре. Смерть Елены и последовавшая затем расправа с князем Оболенским передают власть в руки бояр. Этот переворот 1538 г. был произведён при активном участии знатнейших боярских фамилий во главе с князьями Шуйскими и Бельскими. Однако княжеско-боярский блок распался почти сразу же после захвата власти, и время «боярского правления» характеризуется непрекращающейся борьбой за власть между отдельны-

ми княжескими и боярскими домами. По меткому наблюдению очевидца, «бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промежь бояр великая рознь».

Особенно страдали от бояр-правителей народные массы, являвшиеся основным объектом грабежей и насилий со стороны бояр. Яркую и образную характеристику поведения бояр в годы их господства дал сам Иван Грозный в письме Курбскому: «На города и сёла наскочили и так горчайшими мучениями, многоразличными бедами пограбили без всякой милости имения здесь живущих... Подвластных себе превратили в рабов, а своих рабов устроили как вельмож. Стремились править и строить, а вместо этого создали многие неправды и нестроения, собирали со всех безмерную мзду, и всё делали и говорили только по мзде». Такие действия бояр превращали их в глазах народных масс в лютых зверей, «свирепых аки львы» как метко назвал бояр-наместников псковский летописец.

Господство бояр, однако, не могло быть прочным. Лишённые поддержки народных масс, князья и бояре вызывали резкое недовольство и со стороны основной группировки внутри самого господствующего класса, — со стороны дворян-помещиков, оказавшихся оттеснёнными на задний план и ощущавших на себе все отрицательные стороны господства бояр. Это делало неизбежной борьбу против княжат и бояр со стороны дворянства, интересы которого требовали восстановления сильной централизованной власти и оттеснения боярства от власти.

Активное вмешательство дворянства в политическую борьбу связано с январскими собы-

тиями 1542 г., в которых именно отряды служилых людей — дворян, пришедших из Владимира в Москву и поддержанных москвичами-горожанами, сыграли решающую роль в свержении стоявшей у власти группировки князей Бельских. Движение 1542 г. было на первых порах использовано князьями Шуйскими, чтобы занять место своих политических соперников — Бельских. Но успех Шуйских был очень непрочным и кратковременным. Гораздо важнее был другой результат январского переворота 1542 г., заключавшийся в смене московских митрополитов, причём новым митрополитом стал новгородский архиепископ Макарий, выдвинутый на пост главы церкви служилыми людьми — участниками движения.

Политический смысл смены митрополитов в 1542 г. заключался в том, что в то время как старый митрополит Иоасаф был ставленником и сторонником князей, — Макарий являлся убеждённым сторонником и идеологом самодержавного строя и врагом удельно-княжеского сепаратизма (в частности Макарий сыграл видную роль в разгроме мятежа Андрея Старицкого в 1537 г.). Занятие Макарием митрополичьей кафедры означало, таким образом, определённую политическую программу, существо которой заключалось в ликвидации боярской реакции и восстановлении основ самодержавного строя, расшатанного захватившими власть княжатами и боярами. Осуществление этой программы, естественно, было возможно лишь на путях борьбы против боярства, опираясь на антибоярские, помещичьи слои господствующего класса, равно как и на посадское население Москвы и других городских центров.

Эта борьба начинается сразу же после переворота 1542 г. и продолжается в течение пяти лет вплоть до оттеснения от власти княжат и бояр и ликвидации боярского правления.

Уже в конце 1543 г. княжатам был нанесён сильнейший удар разгромом виднейшей княжеской фамилии Шуйских, лидер которых А. М. Шуйский был низложен и предан позорной казни, а другие члены этой семьи отправлены в ссылку. Принципиальный смысл казни Андрея Шуйского как этапа в ликвидации господства бояр подчёркивается и комментариями официальной летописи, где падение Шуйского трактуется как результат того, что «князь великий Иван Великий всея Руси не мога того терпети, что бояре бесчиние и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомышленных своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением, и перед государем многая бесчиния и государю бесчестия учиниша, и многие неправды земле учиниша в государеве младости». Тот же источник подчёркивает перелом во взаимоотношениях между Иваном IV и боярством после казни Андрея Шуйского: «И от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание».

Расправа с Шуйскими открывает целую цепь казней и опал виднейших представителей княжат и бояр (Воронцовых, Кубенских и др.), подготовляя окончательное оттеснение их от власти.

Два события подводят в 1547 г. своего рода черту под периодом боярского правления. Это — «венчание на царство» Ивана IV 16 января 1547 г. и московское восстание в июне того же года.

Значение венчания на царство Ивана IV, т. е. принятия им царского титула, заключалось в том, что этим актом официально провозглашался самодержавный характер власти молодого царя, чем подрывалась почва под притязаниями княжат и бояр на руководящее участие в делах государства.

Как и всякая крупная политическая реформа, венчание на царство Ивана IV происходило в обстановке нараставших классовых противоречий. Наиболее яркой формой, в которой нашли своё выражение эти противоречия, явилось июньское восстание московских городских низов — «черных людей» — в 1547 г. Восстание 1547 г. имело характер антибоярского бунта, отражая тем самым стихийное возмущение народных масс боярским произволом.

1547 г. ознаменовался в Москве «великими» пожарами. В апреле 1547 г. большой пожар уничтожил много лавок и товаров. Во втором апрельском пожаре «погореша Гончары и Кожевники (ремесленные слободы в Москве. — *И. С.*)». Но самый большой пожар произошёл 21 июня. Начавшись на Арбате, он охватил весь город. Летопись указывает, что число сгоревших достигало 1700 человек. Сила пожара была так велика, что современники рассматривали его как небывалое бедствие: «таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала имяноватися». Пожары 1547 г., дезорганизовав правительство и ударив по и без того тяжёлому положению чёрных людей, создали благоприятную обстановку для взрыва классовых противоречий, достигших к тому времени большой остроты. Внешним поводом к восстанию 1547 г. был слух о том, что Москву подожгли при по-

мощи колдовства родственники царя, князья Глинские, стоявшие у власти. Но обвинение Глинских в колдовстве и поджигательстве было лишь удобным лозунгом для агитации среди московских низов. Летописец-современник прямо заявляет: «А сие (т. е. обвинение Глинских в колдовстве. — *И. С.*) глаголаху чёрные люди *того ради,* что в те поры Глинские у государя в приближение и жалование, а от людей их чёрным людям насильство и грабёж». Летопись, таким образом, признаёт, что действительной причиной московского восстания были «чёрным людям насильство и грабёж» от последних представителей боярской реакции — Глинских.

Восстание приобрело большой размах. Был убит князь Юрий Глинский. Восставшие «бесчисленно побиша» людей Глинских. Опасность угрожала самому царю. Курбский в своей «Истории» прямо это подчёркивает: «Было возмущение великое всего народа, и самому царю пришлось бежать из города со своим двором». А Иван IV в письме к Курбскому обвиняет бояр в том, что они «возмутили народ, яко бы и нас убити». Царь был вынужден вместе «с бояры» бежать из Москвы в село Воробьёво. Однако на третий день восстания «приходиша многия люди чернь ко государю в Воробьёво». Восставшие требовали от Ивана IV, чтобы он выдал им княгиню Анну Глинскую (бабку царя), которую считали главной виновницей пожара. Но к этому моменту правительству уже удалось оправиться и собрать силы. В ответ на требование чёрных людей царь «повеле тех людей имати и казнити». Тем не менее расправиться с восставшими правительству не удалось: чёрные люди «разбегошася по иным градом».

Острота классовой борьбы в конце 40-х гг. XVI в. характеризует положение не одной Москвы, но и других городов Русского государства. Особенной силы политическая борьба достигает в таком городе, как Псков, где борьба между «большими» и «меньшими» людьми, т. е. между верхами городского населения и городскими низами, выливается в совершенно те же формы, что и в Москве. В частности и в Пскове пожар, вспыхнувший в 1550 г., послужил толчком к открытому выступлению меньших людей: «меньшие люди начали грабити богатых людей животы (т. е. имущество. — *И. С.*), а гасить не учали».

Восстание 1547 г. завершает процесс перегруппировки классовых сил, характеризующий вторую половину 40-х гг. Разгром восставшими москвичами княжеской группировки Глинских — последней из числа боярских группировок, удержавшей ещё власть в своих руках, — означал завершение «снизу» процесса ликвидации боярского правления.

Годам боярского правления в биографии Ивана Грозного принадлежит огромная роль. Это были годы его «малолетства» — детства, отрочества и юности. Конец боярского правления являлся вместе с тем началом самостоятельной политической деятельности Ивана Грозного, начинавшего с тех пор играть руководящую роль в жизни государства. Таким образом, именно в годы боярского правления происходил процесс складывания политического мировоззрения Ивана Грозного, процесс формирования его как государственного деятеля.

Два момента оказали решающее влияние на Ивана Грозного в годы его юности: самовластие

бояр и теории тогдашних публицистов о Русском государстве и власти русских государей.

В политических теориях русских книжников о всемирно-исторической роли Русского государства и о самодержавной, богоустановленной власти русских государей молодой Иван Грозный находил программу того, как должно быть устроено Русское государство и как он, его глава, должен управлять своим государством. Но окружающая действительность — самовластие бояр и князей, деятельность которых протекала перед глазами Ивана Грозного, — находилась в разительном противоречии с этими принципами, которые должны были лечь в основу управления государством. Так сама жизнь сталкивала молодого Ивана Грозного с основными вопросами политического развития России — с борьбой старого и нового, феодальной раздробленности и национального государства. Наблюдая и переживая эту борьбу, Иван Грозный должен был определить и своё отношение к ней. При этом само положение его определяло его позицию. Он, государь русской земли, не мог терпеть самоуправства его слуг, бояр и князей, расправлявшихся с близкими ему людьми и оскорблявших своим поведением его самого.

В этом процессе выработки мировоззрения Ивана Грозного огромную роль сыграл митрополит Макарий. Будучи по самому своему сану главы русской церкви духовным советником и наставником Ивана Грозного, Макарий использовал всё своё влияние на молодого великого князя для воспитания его в духе созданных тогдашней публицистикой политических теорий о самодержавной власти русских государей.

Блестяще образованный писатель, о произведениях которого современники говорили, что они «умедвены Гомеровым именем, украшены Афинской мудростью», Макарий вовлёк Ивана Грозного в круг тех литературных и политических идей, которые разрабатывались при его руководящем участии. И Иван Грозный оказался достойным своего учителя... Ключевский называет Ивана Грозного «начитаннейшим москвичём XVI в.». И такого мнения об Иване Грозном не только учёные историки, но и его современники, называвшие Ивана Грозного «словесной мудрости ритором» и считавшие, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело».

Литературная школа, пройденная молодым Иваном Грозным под руководством Макария, сделала его не только одним из образованнейших русских людей своего времени, но и писателем-публицистом, создавшим целую стройную теорию о власти русских государей. Эта теория, представляющая собой крайнюю форму выражения теорий русских публицистов о самодержавии, будет развита им позднее, в 60-х гг., в его посланиях Курбскому. Но основы политического мировоззрения Ивана Грозного были заложены в нём именно в годы его юности. И когда он в конце 1546 г. заявил о своём намерении принять царский титул и венчаться на царство, это был и первый практический вывод из того политического воспитания, какое получил Иван Грозный, и первое провозглашение тех принципов, которыми собирался руководствоваться в своей деятельности будущий царь.

ГЛАВА III

РЕФОРМЫ 50-х гг.

Итогом политической борьбы 40-х гг. XVI в является переход власти в руки новой, антибоярской группировки, опирающейся на дворянство и посад.

Руководящее положение в новом правительстве заняли митрополит Макарий, родственники жены Ивана Грозного Захарьины, Алексей Адашев, протопоп Сильвестр. Политика этого правительства (известного обычно, хотя и ошибочно, под именем «избранной рады»), направленная на дальнейшее укрепление централизованного национального государства, нашла своё выражение в многочисленных реформах 50-х гг., составляющих наиболее важную и характерную черту этого периода. [1]

Общий характер этой политики определился уже в 1549 г. и был сформулирован в декларации Ивана Грозного 27 февраля 1549 г., сделанной им на заседании боярской думы совместно с высшими представителями церкви, а также перед «воеводами и княжатами и боярскими детьми, и дворянами большими». В декларации этой давалась резко отрицательная оценка «боярского правления» как времени,

---

[1] Вопрос о реформах 50-х гг. XVI в., при всём его огромном значении для эпохи Ивана Грозного, является одним из наименее разработанных отделов в историографии о Грозном. Автор настоящей брошюры в характеристике реформ 50-х гг. во многом отступает от существующей литературы. Сознавая спорность ряда развиваемых положений, автор считает, однако, возможным предложить вниманию читателей сложившийся у него взгляд на реформы 50-х гг.

когда от бояр «детем боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных обидных делах», и подчёркивалось, что в случае попыток бояр продолжать учинять «силу или продажу или обиду какую», они будут подвергнуты «опале» и «казни». Определяя, таким образом, политику правительства как политику защиты интересов помещиков («детей боярских») и ликвидации боярского произвола, февральская декларация 1549 г. явилась исходным моментом в проведении реформ 50-х гг., характер которых вполне соответствовал развитым в ней принципам.

Хронологически первым мероприятием правительства Ивана Грозного в области реформ было издание 28 февраля 1549 г. «Уложения» о новых формах суда для помещиков. Сущность закона 28 февраля заключалась в предоставлении помещикам права судиться по своим делам непосредственно судом самого царя (право, которым ранее обладали лишь привилегированные землевладельцы) и изъятии помещиков из подсудности наместникам (за исключением узкого круга уголовных дел, связанных с убийством и разбоем, по которым наместники могли судить помещиков).

Уложение 28 февраля 1549 г. положило начало грандиозной работе по пересмотру и кодификации законодательства, завершившейся изданием в 1550 г. нового Судебника, на основе коренной переработки Судебника 1497 г.

Издание Судебника 1550 г. имело огромное значение. Оно заключалось в том, что, будучи кодексом законов уголовно-процессуального и гражданского права, Судебник 1550 г. определил общие правовые основы деятельности всего

государственного аппарата Русского государства, являясь, таким образом, наиболее общей формой выражения политики развития и укрепления централизованного национального государства.

Сравнение Судебника 1550 г. с Судебником 1497 г. отчётливо выявляет характер, по которому шла переработка первого Судебника. Переработка эта шла прежде всего по линии перестройки и приведения в систему органов управления, как центральных, так и местных, причём, определяя роль и место различных органов управления, Судебник 1550 г. чётко проводит линию на усиление роли органов центрального управления и на ограничение объёма власти наместников, подготовляя тем самым административные реформы середины 50-х гг.

Политическое остриё статей Судебника, ограничивавших власть наместников, было направлено против княжат и бояр, в руках которых находились должности наместников. Не менее ярко антибоярский характер имели и статьи Судебника 1550 г. об отмене «тарханов» (т. е. финансового иммунитета: свободы от платежа налогов и права сбора налогов в свою пользу с населения — привилегия, обладателями которой являлись главным образом крупные землевладельцы) и об ограничении другой боярской привилегии — права выкупа родовых вотчин.

Те же политические цели преследовала и другая важнейшая группа новых статей Судебника 1550 г., посвящённая защите политических и социальных прав дворян-помещиков, прежде всего ст. 64, источником которой явился закон 28 февраля 1549 г., и ст. 81, запрещавшая обращать детей боярских — служилых людей в

холопство, что способствовало консолидации дворянства.

Особое место в Судебнике 1550 г. занимают статьи о зависимых группах населения. Судебник 1550 г. сохранил право крестьянского перехода, имевшееся в Судебнике 1497 г., и ввёл в свой состав новую статью, определяющую положение другой большой группы в составе зависимого населения Русского государства — кабальных людей, количество которых быстро росло в XVI в.

В целом Судебник 1550 г. является ярким выражением высокого развития государственности России XVI в. По словам крупнейшего знатока западноевропейской истории XVI в., акад. Р. Ю. Виппера, «в это время ни... в Германии, ни вообще где-либо на Западе не было ничего подобного; судьи изнывали под тяжестью запутанных, не приведённых в систему правовых положений различных времён».

Тот же политический смысл, что и издание Судебника, имеет и другая, гораздо более скромная по значению реформа 1550 г.: рассылка во все города Русского государства «ровных» мер, т. е. унификация «казённых» государственных мер и ликвидация тем самым разнобоя в области мер, сохранившегося от времён феодальной раздробленности.

Второй важнейшей группой реформ, относящихся к 1550 г., являются реформы в области землевладения и армии. На первое место среди них надо поставить царский приговор от 3 октября 1550 г. о раздаче в поместье земель вокруг Москвы 1000 помещиков из состава провинциального дворянства. Эти помещики, получившие в литературе название «тысячников»,

составили ядро московского дворянства, поставляя кадры как в армию (на командные посты), так и во все отрасли государственного аппарата, являясь вместе с тем и своего рода политическими представителями в столице всей массы дворянства Русского государства, в частности составляя главную массу среди представителей дворянства на земских соборах.

Приговор 3 октября 1550 г. имел огромное значение для укрепления политических и экономических позиций дворянства — классовой опоры правительства Ивана Грозного.

К 1550 г. относится издание важнейшего закона — приговора о местничестве. Этим приговором запрещалось местничество в армии и предписывалось несение военной службы «без мест». Таким образом, монополия княжеско-боярской знати на занятие высших постов в армии, исходя из местнических родословных счётов, ломалась, и правительство получало возможность назначать воеводами того, кого оно считало нужным. Перестройка армии шла и по другой линии. В 1550 г. был создан новый род войска в виде трёхтысячного корпуса «зыборных стрельцов из пищали»,[1] вооружённых новейшей военной техникой, размещённого в подмосковной Воробьёвской слободе. Корпус пищальников был новым типом войска не только по вооружению (основу которого составило огнестрельное оружие — «пищаль»), но и по принципу организации, будучи разделён на 6 «статей» по 500 человек, а каждая «статья» в свою очередь была разбита на «сотни» с осо-

---

[1] Отдельные отряды «пищальников» появились ещё при Василии III.

бым начальником. Это организационное строение было распространено затем на всё войско Русского государства.

Центральными вопросами внутренней политики 50-х гг. являлись земельный вопрос и вопрос перестройки государственного управления.

Основным моментом, определяющим характер земельной политики 50-х гг., была борьба дворян-помещиков за развитие поместного землевладения, главного источника их экономической мощи. Земельная политика 50-х гг. является непосредственным отражением дворянско-помещичьих интересов, свидетельствуя о росте политической силы дворянства.

Уже закон 3 октября 1550 г. о раздаче земель 1000 помещиков означал важный шаг в деле разрешения земельного вопроса в интересах дворянства, передав в руки дворян-помещиков значительный фонд земель. В 1551 г. правительство проводит ряд новых мер, долженствовавших осуществить для всей массы дворянства то, что в 1550 г. было осуществлено только для его руководящей верхушки. Существо новой земельной политики было изложено в «вопросах», с которыми обратился Иван Грозный к созванному в 1551 г. для обсуждения ряда церковных и политических вопросов Стоглавому собору, поставив на его обсуждение важнейшие вопросы внутренней политики. Основной задачей своей политики в земельном вопросе правительство Ивана Грозного считало перераспределение земель между землевладельцами и приведение их обязанностей по «государевой службе» в соответствие с размерами их земельных владений. Смысл перераспределения

(«переверстания») земель правительство видело в том, чтобы «поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати». Политическое значение этого мероприятия определялось тем, что под «недостаточными» людьми, получавшими землю за счёт «лишков» её у других лиц, подразумевались дворяне-помещики.

В прямой связи с переверстанием земель стоит предпринятая в это же время всеобщая перепись земель. Писцы должны были переписать все земли Русского государства и зафиксировать точные размеры владений, приведённые в норму в результате переверстания земель, в котором писцы должны были принимать непосредственное участие. Продолжавшаяся целое тридцатилетие (до 80-х гг. XVI в.), эта генеральная перепись земли являлась вместе с тем и одним из главных мероприятий в области развития поместного землевладения, так как перепись земель сопровождалась раздачей новых поместий.

Перепись земель, начатая в 50-х гг., явилась также и финансовой реформой, вводя новую единицу налогового обложения («большую соху»), причём этот новый порядок обложения ставил поместные земли в привилегированное положение по сравнению с землями крестьянскими («чёрными») и церковными. Будучи по своей сущности политикой защиты интересов дворянства — помещиков, земельная политика правительства Ивана Грозного в 50-х гг. носила столь же определённо выраженный антибоярский характер. Не говоря уже о том, что интересы боярства весьма ощутительно затрагивались теми мероприятиями, которые были на-

правлены на развитие поместного землевладения, правительство Ивана Грозного издаёт в 50-х гг. ряд специальных законов о боярском землевладении, направленных против интересов боярства. Важнейшим из этих законов был закон 11 мая 1551 г., ограничивавший свободу распоряжения княжескими и боярскими вотчинами их владельцев, запрещавший продажу и «вклады» вотчин в монастыри без разрешения царя («без докладу»), а в отношении ряда княжеских родов (ярославских, стародубских и суздальских князей) запрещавший продажу и завещание вотчин «без царёва ведома» не только в пользу монастырей, но и «никому» вообще. Закон 11 мая 1551 г. определил принципиальную линию правительства Ивана Грозного по отношению к княжеским вотчинам, выражавшуюся в стремлении к ликвидации княжеского землевладения, и позднейшие законы о княжеских вотчинах (1562 и 1573 гг.) лишь развивали и усиливали эту политику, нашедшую своё первое выражение в законе 11 мая 1551 г.

Важнейшей чертой земельной политики 50-х гг. является отчётливо прослеживаемая тенденция к ликвидации в области земельного вопроса последствий боярского правления. И в речах Ивана Грозного на Стоглавом соборе и в законах 1551 и 1562 гг. наряду с установлением основ земельной политики на будущее, имеются разделы, предписывающие пересмотр и отмену мероприятий в области землевладения, которые имели место после смерти Василия III; в частности по закону 1551 г. и те земли, которые «бояре подавали» монастырям в годы своего правления, должны были быть ото-

браны на государя и затем розданы в поместья.[1]

Непосредственным продолжением и дополнением законов о поместном землевладении являются законы о задолженности помещиков — служилых людей. Год издания первого из них неизвестен, но из ссылок на этот закон в современных документах можно установить, что он был издан в самом начале 50-х гг. (до 1555 г., вероятно, около 1551 г.) и устанавливал «урочные годы», в течение которых должник-помещик получал право погасить свою задолженность путём уплаты взятой суммы денег («истины») без процентов. В 1557 г. был издан новый закон по этому же вопросу, вновь устанавливавший льготный 5-летний срок, в течение которого служилые люди получали право погашать свой долг без уплаты процентов. Наконец, 11 января 1558 г. был принят ещё закон, дополнявший закон 1557 г. разреше-

[1] Характер земельной политики 50-х гг. XVI в., выясняемый вполне точно на основании анализа законодательства и политической практики этого времени, заставляет определить её как политику защиты дворянско-помещичьих интересов, и вместе с тем как политику, направленную против земельных интересов боярства. Поэтому совершенно неправильно брать в основу характеристики этой политики известное место из переписки Ивана Грозного с Курбским, где царь обвиняет Сильвестра в возврате князьям конфискованных у них вотчин и восстановлении свободы распоряжения этими вотчинами, уничтоженной при Иване III и Василии III. Иван Грозный возлагает здесь на Сильвестра и его группу, сблизившуюся во второй половине 50-х гг. с княжеско-боярскими кругами, ответственность за земельную политику времён «боярского правления» (тенденциозно извращая хронологию и «передвигая» эту политику с 40-х гг., когда она действительно имела место, на 50-е гг. XVI в.).

нием должникам получать обратно их вотчины, заложенные у кредиторов, «пахавших» эти земли «за рост», т. е. пользовавшихся доходами с них. Новый закон предписывал эти заложенные земли «отдать тому, кто закладывал» (с формальной оговоркой, что в случае, если должник не погасит в пять лет долг, то заложенная вотчина должна быть возвращена кредитору «в их деньгах пахати по старине»). Законы о задолженности служилых людей представляли собой развитие той политики, которая нашла своё выражение уже в Судебнике 1550 г., запрещавшем превращать должников-помещиков в кабальных людей. Теперь, законами 1557—1558 гг., защита помещичьих интересов была распространена также и на имущество помещиков.

Завершением земельного законодательства 50-х гг. XVI в. является «Уложение о службе» 1555 г., окончательно оформившее правовые основы помещичьего землевладения установлением общего принципа службы: «со ста четвертей доброй угожей земли (= 150 десятин в трёх полях) человек на коне и в доспехе в полном, а в дальный поход о дву конь». Поместье в 100 четвертей становилось теперь основной единицей поместного землевладения, право на обладание которой имел каждый служилый человек. В то же время поместье в 100 четвертей являлось той единицей, которая лежала в основе организации армии Русского государства, ибо военным эквивалентом такого поместья являлся вооружённый и экипированный воин — служилый человек. Уложение о службе 1555 г., таким образом, завершает не только выработку правовых основ поместного землевладения, но

вместе с тем является и завершением того процесса перестройки армии Русского государства, начало которого падает ещё на вторую половину XV в. и который заключался в создании армии нового типа на место старых военных дружин времён феодальной раздробленности. К середине XVI в. эта армия окончательно определяется как «дворянское войско», армия, центральной фигурой которой является служилый человек — помещик, отражая своим классовым обликом и социальную природу Русского государства как крепостнического государства и тот факт, что именно помещики, дворянство составляли главную политическую силу в этом государстве. Вместе с тем военная реформа 1555 г. давала возможность включения в состав армии и недворянских элементов, так как каждый служилый человек, земельные владения которого превышали 100 четвертей, обязан был поставлять в армию, из числа своих людей, одного вооружённого человека с каждых следующих 100 четвертей земли. Так Уложение 1555 г. разрешало проблему создания массовой народной армии при сохранении руководящей роли в этой армии за дворянами.

Реформы 50-х гг. в области землевладения и армии находились в тесной связи с реформами финансовыми и административными.

Общее направление административных реформ было намечено уже в февральской декларации 1549 г. и в Судебнике. Центральным вопросом этих реформ была перестройка системы местного управления. К середине XVI в. можно говорить о настоящем кризисе наместничьей

системы управления.[1] Кризис этот явился результатом возрастающего несоответствия между характером центральной власти Русского государства как власти, выражающей политические интересы помещичье-дворянской группировки в первую очередь, и общим лицом органов наместничьего управления, оказавшихся сосредоточенными в руках представителей враждебных центральной власти княжеско-боярских кругов. Другим важнейшим моментом, приведшим к кризису наместничьей системы управления, явилось резкое обострение противоречий между наместниками и их агентами и населением как результат злоупотреблений наместников, использовавших свою власть прежде всего для выкачивания из населения как можно больше средств под видом сбора «корма», что являлось привилегией наместников. Рост недовольства действиями наместников среди посадских людей и крестьян, доходивший до открытого неповиновения населения наместничьей власти и даже самочинной расправы с её представителями (по словам челобитных, с которыми обращались к правительству наместники, «им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют»), представлял реальную угрозу для господствующих классов Русского государства, и это также ставило в порядок дня вопрос о перестройке органов местного управления.

Начало этой перестройки было положено ещё в 30-х годах XVI в. созданием губных учре-

[1] Территория Русского государства в XVI в. была в административном отношении разделена на «уезды» и «волости». Во главе управления уезда стоял «наместник», во главе волости — «волостель».

ждений, к которым переходили дела о разбое, изымавшиеся из ведения наместников. Новые органы местного управления состояли из губных голов, избиравшихся всем населением данной территориальной единицы (волости, уезда) из числа местных помещиков, «которые бы грамоте умели». Губные головы ведали поимкой и сыском и казнью разбойников и были независимы от наместников, подчиняясь центральному Разбойному приказу. Сопротивление со стороны наместников введению губных учреждений тормозило их распространение, и в годы господства княжеской реакции «паки наместники премогоша».

Судебник 1550 г. окончательно утверждает место губных органов в системе местного управления, предписывая наместникам передавать дела о разбойниках и татях на суд губных старост (ст. 60).

Судебник же ограничивает власть наместников и в другом направлении — путём установления обязательности присутствия на суде наместников волостных старост и целовальников и земского дьяка, предписывая «во всех волостях быти старостам и целовальником».

Все эти мероприятия подготовляют коренную реформу местного управления, осуществлённую в 1555 г. в виде уничтожения наместников и волостелей и отмены кормлений.

Начатая ещё в 1551—1552 гг. путём ликвидации наместников в отдельных местностях по челобитьям населения этих местностей и объявленная в общегосударственном масштабе в 1552 г., когда после возвращения из Казанского похода царь «кормлениями... пожаловал всю землю», реформа встретила сильное сопро-

тивление со стороны боярства, по интересам которого в первую очередь била отмена кормлений, и была осуществлена лишь в 1555—1556 гг. изданием «приговора царского о кормлениях», отменявшего наместничье управление и устанавливавшего новые формы местного управления.

Новая система местного управления Русского государства коренным образом отличалась от старой. Основной политический смысл реформы местного управления заключался в изъятии органов местного управления из рук княжеско-боярских кругов и передаче местного управления в руки помещиков под контролем органов центрального управления.

На основной части территории Русского государства, в районах с наличием частного землевладения, новый порядок местного управления осуществлялся частью выборными представителями помещиков, частью помещиками-землевладельцами непосредственно (в порядке осуществления права «вотчинного суда» над населением своих земель).

Ещё закон 28 февраля 1549 г., изъявший помещиков из сферы судебной компетенции наместников, передавал в руки помещиков право суда над крестьянами, жившими на их землях (за исключением наиболее тяжёлых уголовных преступлений). Функции судебно-полицейского управления остались сосредоточенными в руках губных старост, ставших после ликвидации суда наместников главными органами правительственного суда. Вопросы же административно-финансового управления составляли круг ведения городовых приказчиков, выбиравшихся помещиками данного уезда из числа местных же

помещиков. Возникнув ещё в начале XVI в., городовые приказчики до отмены наместничьего управления ведали сбором податей и натуральными государственными повинностями. После же отмены кормлений городовые приказчики становятся, наряду с губными старостами, главными агентами центральной власти на местах, ведая попрежнему финансами и выполняя различного рода административные дела (в частности земельные), а иногда и суд.

Иной характер имело местное управление в районах, где частное, помещичье землевладение отсутствовало: на чёрных и дворцовых землях, на посадах. Здесь отмена наместничьего управления привела к сосредоточению местного управления в руках земских старост (или «излюбленных старост»), выбираемых населением «из волостных крестьян лутчих людей». Земские старосты ведали как делами административно-финансовыми, так и судом, иногда по всем видам преступлений, иногда же — за исключением «разбойных дел», остававшихся в руках губных органов.

Особый характер, который приняло местное управление в районах с преобладанием чёрных земель, объясняется особенностями классового состава населения этих мест. Отсутствие здесь частного феодального землевладения делало неизбежным для правительства Ивана Грозного, после ликвидации княжеско-боярского наместничьего управления, передачу органов местного управления в руки представителей зажиточных посадских кругов, на которые и опиралось московское правительство в этих районах и которые, в свою очередь, поддерживали поли-

тику укрепления централизованного самодержавного государства.

Таким образом, в результате перестройки системы местного управления, произведённой в 50-х гг., местное управление перешло из рук бояр-наместников в руки представителей дворян-помещиков и посада, т. е. тех социальных групп, которые являлись главной опорой правительства Ивана Грозного.

Административная реформа 50-х гг. XVI в. являлась вместе с тем и финансовой реформой. Ликвидация наместничьего управления сопровождалась и отменой кормлений, т. е. тех многочисленных натуральных и денежных сборов, которые взимались наместниками и их агентами с населения в свою пользу. Однако уничтожение наместничьего «корма» сопровождалось одновременно введением нового прямого налога с тяглого населения — «кормлёного окупа», уплатой которого население как бы оплачивало («окупало») своё освобождение от наместничьего корма. Кормлёный окуп поступал в государственную казну и являлся одним из важнейших источников финансов Русского государства. Именно благодаря введению этого налога правительство Ивана Грозного получило возможность завершить и военную реформу изданием «Уложения о службе», которым, наряду с установлением принципа службы с земли, устанавливалось также и денежное жалованье служилым людям. Это денежное жалованье платилось части служилых людей ежегодно, другим же — раз в три или четыре года. Ежегодное жалованье, получавшееся наиболее привилегированной частью московского дворянства, платилось ему из доходов от кормлёно-

го окупа. Ликвидация наместничьего управления, таким образом, имела ещё одно существенное последствие: огромные средства, поступавшие в виде наместничьих кормов в руки боярства и составлявшие один из важнейших источников его экономической мощи, с отменой кормлений и введением кормлёного окупа сделались одним из источников финансирования дворянства — помещиков.

Наряду с реформой местного управления 50-е гг. XVI в. характеризуются перестройкой и центрального управления Московского государства. Середина XVI в. — важнейший этап в развитии приказов. Именно в это время создаются важнейшие приказы, как административные, так и финансовые. Ещё в 30-е гг. XVI в. в связи с губной реформой создаётся Разбойный приказ, ведавший губными делами. Тогда же окончательно складывается и Разрядный приказ, ведавший военными делами. Реформы 50-х гг. вызывают образование Поместного приказа, ведавшего делами поместного землевладения, и финансовых приказов: Большого Прихода и Четвертей или Четей. Важнейшими из этих приказов являются чети, ведавшие сбором кормлёного окупа и уплатой ежегодного жалованья служилым людям; четям же были подчинены и органы местного управления (за исключением губных), в отношении которых чети осуществляли руководство и контроль. В середине XVI в. окончательно оформляется и Посольский приказ — ведомство иностранных дел Русского государства.

Наконец, существенные изменения происходят и в организации самой верховной власти. Если раньше московские великие князья осуществля-

ли свою верховную власть, опираясь на боярскую думу, представлявшую собой совет виднейших князей и бояр, то эпоха Ивана Грозного создаёт новое высшее государственное учреждение в виде земских соборов. Земские соборы возникают как своеобразная форма представительства дворян-помещиков и посадского населения. Политическое значение земских соборов заключалось в том, что в лице земских соборов государственная власть получила противовес боярской думы, являвшейся формой участия бояр в делах государства и превратившейся в XVI в. в орган боярской оппозиции. Земские соборы сыграли важнейшую роль в эпоху формирования централизованного национального государства. Опираясь на земские соборы, созываемые для разрешения наиболее крупных вопросов, государственная власть осуществляла свою политику укрепления и развития русского национального государства.

Земские соборы окончательно складываются к 60-м гг. XVI в., когда в 1566 г. правительство Ивана Грозного созывает первый земский собор полного состава, с участием представителей городов. Но процесс формирования земских соборов падает именно на 50-е гг., когда правительство Ивана Грозного неоднократно созывает совещания с участием представителей служилых людей для обсуждения важнейших политических вопросов.

Возникновение земских соборов неразрывно связано с именем Ивана Грозного. По остроумному замечанию акад. Р. Ю. Виппера, «Если можно говорить об изобретениях в политике, Иван Грозный имеет право считаться изобрета-

телем земского собора так же, как Симон де-Монфор был изобретателем парламента, а Филипп IV Красивый — генеральных штатов».

Таким образом, можно говорить об общей перестройке в 50-х гг. XVI в. всего государственного аппарата России — и в центре и на местах — в направлении дальнейшего роста и укрепления централизованного национального государства.

Этот процесс нашёл своё выражение и в области церкви, где эпоха Ивана Грозного характеризуется развёртыванием строительства национальной русской церкви. Важнейшими этапами этого процесса являются канонизация святых на церковных соборах 1547 и 1549 гг. и Стоглавый собор 1551 г.

Канонизация святых имела огромное значение для укрепления национальной церкви. Смысл канонизации заключался в том, что взамен многочисленных «местных» святых, почитавшихся в отдельных княжествах, провозглашались «общерусские» святые, поклонение которым становилось обязательным для всех частей государства. Создавался, таким образом, общерусский культ святых, символизировавший национальное единство русского народа.

Непосредственным продолжением и развитием соборов 1547 и 1549 гг. явился Стоглавый собор 1551 г. Стоглавый собор ставил своей задачей осуществление всесторонней реформы церкви, затрагивающей и вопросы церковного управления и вопросы культа и обрядностей. Круг вопросов, явившихся предметом обсуждения на Стоглавом соборе, охватывал также и вопросы быта и нравственности светского населения. Стоглавый собор сыграл крупнейшую

4 И. И. Смирнов

роль в развитии национальной церкви. Постановления Стоглавого собора (которым была придана форма книги, состоящей из 100 глав, откуда название этой книги «Стоглав» и само название собора Стоглавым) явились своего рода кодексом церковного права, подведшим правовую основу под деятельность церкви, унифицировавшим её обрядность и централизовавшим управление церковными делами, усилив власть главы русской церкви — митрополита.

Процесс развития и укрепления русского национального государства в эпоху Ивана Грозного охватил всю сферу общественной жизни, сказавшись и на быте и нравах русского общества. Наиболее ярким памятником быта и нравов русского общества эпохи Ивана Грозного является Домострой, этот своеобразный кодекс русского быта XVI в. Домострой представляет собой попытку выработать некоторые нормы, которые должны регулировать быт и нравы. Он и даёт эти нормы, рисуя идеальную семью в её личной жизни и в отношениях к государственной власти и церкви. Быт и нравы, изображённые в Домострое, это быт и нравы господствующих классов. И в герое Домостроя — «домовитом человеке» — легко распознать богатого горожанина: столичного дворянина-помещика или приказного или, ещё чаще, торгового посадского человека.

Домострой является ярким памятником эпохи, когда ломался старый быт, основной ячейкой которого был боярский или княжеский двор, и на смену ему надо было строить новый уклад быта, центральными фигурами в котором становились служилый человек — помещик и посадский человек — купец. Прогрессивное зна-

чение Домостроя для своего времени в том и заключалось, что он явился одним из выражений процесса сложения этого нового быта.

ГЛАВА IV

РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ

Одной из самых замечательных черт эпохи Ивана Грозного является расцвет культуры. Ликвидация господства княжеско-боярской реакции, охватившей годы малолетства Ивана Грозного, создала предпосылки не только для перемен в области государственного строя, но и для нового подъёма русской культуры во всех её формах и проявлениях.

Характерной чертой развития русской культуры в XVI в. является активное участие государства в культурном строительстве. Борясь за укрепление русского национального государства политически, государственная власть развёртывает и строительство культуры нового государства.

Руководящую роль в вопросах культурного строительства в это время приобретает группа выдающихся политических деятелей во главе с митрополитом Макарием. Будучи убеждённым сторонником государственного единства Руси и самодержавной власти русских государей, Макарий выступает в роли вдохновителя и организатора целой серии грандиозных предприятий в области культуры, имевших своей целью укрепление государственного единства России и развитие новой, общерусской национальной культуры.

Первым по времени и вместе с тем наиболее

грандиозным по объёму предприятием Макария явились «Великие Четьи-Минеи» (т. е. «Помесячные Чтения»). В основу задуманного дела была положена смелая идея — объединить в едином по замыслу и исполнению труде всю известную на Руси литературу (религиозного и учительного характера). Работа по созданию «Великих Четьих-Миней» заняла свыше 20 лет и была завершена в 1554 г. Макарьевские «Четьи-Минеи» составили 12 томов большого формата. Это была целая энциклопедия древнерусской литературы, впитавшая в себя всё богатство древней русской письменности, как современной написанию «Четьих-Миней», так и более ранних эпох.

«Великие Четьи-Минеи» — явление огромного культурно-исторического значения. Уже самый факт централизации и объединения в едином литературном целом огромного количества разрозненных прежде памятников письменности отражал в себе процесс создания единой общерусской культуры. Ещё ярче процесс развития общерусской национальной культуры отразила идейная сторона «Четьих-Миней», проникнутых идеей единства русской земли и Русского государства. Этим, однако, не исчерпывается значение «Четьих-Миней» в истории русской культуры. «Четьи-Минеи» создали целую литературную школу русских писателей, объединённых и единством идейных воззрений и своеобразием литературного стиля. Это были убеждённые сторонники национального русского государства и самодержавной власти. Литературный стиль представителей этой — «макарьевской» — школы характеризуется торжественностью языка и пышностью слога, причём реальное со-

держание описываемых событий отступает у писателей этой школы на задний план перед пышной риторической формой. Эти особенности нового литературного стиля давали автору произведения возможность с наибольшим эффектом достигать поставленной цели — прославления русской земли и её деятелей.

Работа над «Четьими-Минеями» создала предпосылки для осуществления ещё более значительного по замыслу и целям предприятия — Степенной книги. По своим идейным основам Степенная книга является наиболее ярким выражением политических воззрений Макария и его школы. Степенная книга представляет собой торжественную историю «благоцветущего» рода русских государей, начиная от времён первых русских князей и вплоть до Ивана Грозного, их деяний и подвигов, в результате которых русская земля и её цари достигли вершины славы. Это была смелая попытка написать историю Русского государства с позиций обоснования и защиты самодержавной власти русских государей. В факте издания Степенной книги с наибольшей силой нашло своё выражение стремление идеологически осмыслить и обосновать процесс строительства русского национального государства.

Одновременно и параллельно с написанием Степенной книги развернулись работы по составлению нового летописного свода. Эти работы велись под наблюдением самого Ивана Грозного. Рассматривая задуманное предприятие как одно из средств прославления и увековечения своего царствования, Иван Грозный придал летописному делу небывалый размах. Итогом этих работ явилось издание в 50-х гг.

так называемого Никоновского летописного свода.[1] Никоновский свод — один из самых выдающихся памятников русского летописания, по праву могущий быть поставленным рядом с Несторовой «Повестью временных лет». Наиболее замечательной чертой Никоновского свода является его стремление найти некоторые общие нормы, определяющие развитие русской истории. Эта задача решается в Никоновском своде путём построения смелой теории междукняжеских отношений, так называемой теории «лествичного восхождения». Согласно этой теории, на Руси существовал особый порядок восхождения князей на Киевский великокняжеский стол — по старшинству внутри великокняжеского рода, причём на место, освобождённое старейшим в роду князем, ставшим великим князем Киевским, садился следующий по старшинству родич, уступая, в свою очередь, свой княжеский стол родичу, идущему после него по «лествице» (лестнице) родства. Теория «лествичного восхождения» давала возможность разобраться в огромном историческом материале, накопленном летописанием, понять смысл и значение княжеских усобиц, описанием которых были заполнены страницы летописей, и дать оценку этой борьбы. Никоновский свод — яркий показатель того уровня, которого достигала русская теоретическая мысль в XVI в. Насколько высок был этот уровень, можно судить по тому, что влияние «лествичной» схемы Никоновского свода испытали на себе такие вы-

[1] Своё название он получил по случайному поводу: один из его списков принадлежал в XVII в. патриарху Никону.

дающиеся деятели русской исторической науки, как С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский.

Вслед за окончанием Никоновского свода начались работы по созданию наиболее грандиозного во всей истории русского летописания предприятия — Лицевого (т. е. иллюстрированного) летописного свода. Лицевой свод был составлен в 60—70-х гг., в 12 томах большого формата, с рисунками. До нашего времени сохранилось 10 томов с 9700 с лишним листов текста и свыше 16 000 иллюстраций, в красках и чёрных. Лицевой свод представляет собой своеобразную энциклопедию мировой и русской истории, причём для изложения событий русской истории был использован Никоновский свод. Всемирная история изображается в Лицевом своде как история смены великих царств: Древнееврейского, Вавилонского, Персидского, монархии Александра Македонского, Римской империи, Византии. Завершающим звеном и наследником всей мировой истории выступает Русское государство. Так достигалась основная цель Лицевого свода — возвеличение и прославление Русского государства. Иллюстрации Лицевого свода в огромной степени усиливали эмоциональное воздействие книги. Вместе с тем Лицевой свод, благодаря своим иллюстрациям, является выдающимся произведением древнерусского искусства.

И «Четьи-Минеи», и Степенная книга, и Никоновский и Лицевой своды — всё это формы выражения роста национального самосознания русского народа. Но развитие русской общественной мысли идёт и по другим направлениям — прежде всего по пути развития публицистики в собственном смысле этого слова, т. е. поли-

тической литературы, посвящённой рассмотрению основных вопросов современной жизни.

Русская публицистика — одно из самых ярких выражений расцвета культуры в России эпохи Ивана Грозного. Замечательной чертой публицистики этого времени является то, что определяющую роль в ней играет передовая общественная мысль. Именно таким передовым для своего времени публицистом является Иван Семёнович Пересветов, развивший в своих «эпистолах» (посланиях) Ивану Грозному целую стройную теорию дворянского государства во главе с самодержавным и грозным царём и беспощадно бичевавший «ленивых богатин» — бояр. Ещё более замечательным писателем является Ермолай-Еразм, которого по праву можно назвать самым глубоким и оригинальным мыслителем в кругу политических писателей эпохи Ивана Грозного. В воззрениях Ермолая-Еразма поражает глубина проникновения в экономические отношения феодального общества. Своей теорией о том, что «в начале всего потребни суть ратаеве (т. е. крестьяне); от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна..., и вся земля от царя и до простых людей тем хлебом питаема», Ермолай-Еразм далеко опередил своё время, указав на труд крестьянина как на основу всей общественной жизни. Огромный интерес представляет и такое публицистическое произведение, как «Беседа Валаамских чудотворцев», в котором анонимный автор, впервые в истории древнерусской публицистики, пытается подвергнуть рассмотрению основные политические проблемы с позиций защиты интересов северного чёрного крестьянского «мира». Ярким контрастом на

фоне этого подъёма передовой общественной мысли выступает моралистическая проповедь Максима Грека, в произведениях которого — в нравоучительных размышлениях о судьбах византийских царей, погибших потому, что они «презирали своих бояр», и в притче о нечестивом юном царе, подпавшем под власть своих порочных страстей, — находило в завуалированной форме своё выражение недовольство княжеско-боярских кругов политикой Ивана Грозного.

Характерной чертой русской общественной мысли эпохи Ивана Грозного является стремление поставить и разрешить коренные вопросы государственного развития России. Публицистика XVI в. идёт в ногу с политикой, и в произведениях русских публицистов можно найти и проекты обширных государственных реформ, нашедших затем своё осуществление на практике, и идею грозной царской власти, и призывы к борьбе с боярской изменой, столь ярко претворившиеся в политическую практику во времена опричнины.

Характеризуя развитие общественного самосознания в России эпохи Ивана Грозного, следует отметить ещё одну форму, в которой находит своё выражение развитие общественных идей. Русское общество переживает в эпоху Ивана Грозного период нового подъёма религиозных еретических движений. Характерной чертой этих движений является их социальная окрашенность: критика официальной церкви оказывается у еретиков XVI в. формой критики существующего социального строя. Особенно ярко эти социальные черты выступают у Матвея Башкина, с его проповедью о несовмести-

мости рабства с принципами христианской веры, и у Феодосия Косого. Учение Феодосия Косого — бывшего холопа, бежавшего от своего господина, — носит ярко выраженный антикрепостнический характер. Наряду с резкой критикой официальной церкви Косой выступает за отрицание всяких светских властей, провозглашая, что «не подобает у христиан властям быти и воевати». Так в еретических движениях XVI в. в религиозной оболочке перед нами выступает идеология угнетённых социальных низов.

Условием и предпосылкой культурного подъёма России эпохи Ивана Грозного, выразившегося с такой силой в росте общественного самосознания, явилось развитие просвещения. Просвещение — эта наиболее широкая и массовая форма выражения культуры народа — находилось в Русском государстве XVI в. на весьма низком уровне. Даже простая грамотность была достоянием относительно небольшой части населения, подавляющее же большинство народа оставалось неграмотным. Однако XVI в. и в области просвещения характеризуется подъёмом культуры. Развитие просвещения находит своё выражение прежде всего в росте грамотности. Правда, никакой статистики грамотности XVI в., конечно, не знал, но целый ряд косвенных данных позволяет с бесспорностью говорить о распространении грамотности. Этот рост грамотности отразился даже в законодательстве XVI в., которое, например, устанавливает в качестве основного способа удостоверения актов «рукоприкладство», что, естественно, предполагает грамотность участников сделки. Грамотность начинает становиться даже усло-

вием для занятия некоторых должностей в государственном аппарате. Так, в «губные старосты» (ведавшие делами о разбое) должны были выбираться помещики, «которые бы грамоте умели».

Правительство Ивана Грозного проводит активную политику в области развития просвещения. Наиболее ярким выражением этой политики может служить школьная реформа, провозглашённая на Стоглавом соборе 1551 г. До середины XVI в. в России не было никакой государственной системы образования, и обучение грамоте и письму происходило в частных школах — «училищах» (самое слово «училище» появляется именно в XVI в.). Правительство Ивана Грозного, однако, предпринимает смелую реформу в области просвещения. Стоглавый собор, «по царскому совету», выносит решение о создании «в царствующем граде Москве и по всем градам» Русского государства «книжных училищ» для обучения детей священников, дьяконов и «всех православных христиан» грамоте, «книжному письму» и церковному пению. Это замечательное решение Стоглавого собора не было проведено в жизнь (прежде всего из-за отсутствия необходимого количества учителей). Но самая попытка создания системы школьного образования в масштабе всего государства — яркое свидетельство роста культуры и просвещения в Русском государстве XVI в.

Просвещение в России XVI в., однако, не ограничивалось рамками простой грамотности. Для эпохи Ивана Грозного можно говорить уже о возникновении целого слоя образованных людей, своего рода интеллигенции, пред-

ставители которой выступают как люди умственного труда, причём наряду с духовенством большой удельный вес в составе этой группы имеют и люди светские. Мощный толчок процессу роста культурных, образованных людей дал самый факт образования русского национального государства. Существование крупного, централизованного государства требовало большого количества людей как в центральных государственных органах, так и в местном управлении, которые по самому своему общественному положению должны были обладать какими-то элементами культуры. Особенно показательна в этом отношении роль руководящего ядра в государственном аппарате — дьяков, давших в XVI в. длинный ряд блестящих деятелей в области политики и культуры (Фёдор Курицын, Дмитрий Герасимов, И. М. Висковатый, братья А. и В. Щелкаловы и др.).

Рост культуры и просвещения в России эпохи Ивана Грозного находит своё выражение во всех областях государственной жизни. Русское государство обладало кадрами выдающихся дипломатов, способных защищать интересы России в сложной борьбе на международной арене и являвшихся своеобразными представителями русской культуры перед иностранными государствами. Ярким показателем русской культуры XVI в. является законодательство и прежде всего Судебник 1550 г. Не менее замечательна в этом плане система финансов России, основанная на периодически производившихся описаниях земель на всей территории государства. Результаты этих, грандиозных по масштабу и сложнейших по технике, описаний — «писцовые книги» — являлись основными

документами для налогового обложения. На детальном и строгом учёте была основана и организация русского войска: все служилые люди были занесены в особые списки — «десятни», а дислокация (размещение) войск в мирное время и в походах фиксировалась в особых документах — «разрядах».

Общий подъём культуры в России в эпоху Ивана Грозного с особой силой проявился в области военного дела. Уже Казанские походы продемонстрировали военные успехи Русского государства. В частности при взятии Казани была впервые применена новинка тогдашнего военного искусства — подкоп и взрыв крепостных стен. Ещё ярче высокая военная культура России выступает в Ливонской войне, явившейся триумфом русской артиллерии, под огнём которой рушились стены ливонских городов и замков. С завоеванием Нарвы и получением выхода к Балтийскому морю начинается новая страница военной истории России — строительство морского флота. Наконец, коренные изменения претерпевает сама организация военных сил России. Появляется новый вид войска — пищальники. А военная реформа 1555 г. подводит прочную базу под всю систему комплектования русской армии. Всё это в огромной степени увеличивает военную мощь Русского государства, превращая Россию эпохи Ивана Грозного в первоклассную военную державу.

Крупнейшим событием в области культуры эпохи Ивана Грозного явилось начало книгопечатания в России. В 1563 г. в Москве, по царскому повелению и на государственные средства, была сооружена типография, а в марте 1564 г. из неё вышла первая печатная книга —

«Апостол». Создателями и руководителями первой русской типографии были Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец. Первопечатники были мастера своего дела, и созданная ими книга является настоящим шедёвром типографского искусства. Иван Грозный активно поддерживал развитие книгопечатания, несмотря на сопротивление новому делу со стороны реакционных кругов, и в годы опричнины даже устроил в своей опричной резиденции — Александровской слободе — новую типографию.

Одним из выражений процесса развития русской культуры было усиление культурных связей России с Западной Европой. Иван Грозный решительно и последовательно проводил курс на расширение связей с Западной Европой, стремясь использовать это сближение для перенесения в Россию передовой западноевропейской культуры и техники. В Россию усиленно привлекаются западноевропейские специалисты, образовавшие особую «Немецкую [1] слободу» в Москве. Есть сведения, что при Иване Грозном даже посылали за границу «на науку, за море» знатную русскую молодёжь.

Искусство эпохи Ивана Грозного знаменует собой новый этап в развитии русской художественной культуры. В нём как бы раскрываются и достигают своего полного расцвета те возможности, которые были созданы для развития искусства фактом образования русского национального государства.

Наибольшей силы расцвет русского искусства в эпоху Ивана Грозного достигает в архитектуре. Самое замечательное в русской архитек-

[1] Слово «немец» в XVI в. означало иностранец вообще.

туре эпохи Ивана Грозного — это возникновение нового художественного стиля, так называемой шатровой архитектуры. Шатровая архитектура характеризуется двумя существенными чертами: решительным разрывом с византийской традицией и органической связью с русским народным искусством. Вместо крестово-купольного храма — тяжёлого и статичного каменного куба, увенчанного пятью массивными главами, подавляющего своим величием и мощью, — создаётся совершенно новый тип церковного здания. Шатровая церковь — вся в динамике, в движении. Конструктивно она сделана так, что все части здания подчинены одной цели — поддерживать «шатёр», увенчивающий здание, служить ему как бы пьедесталом. Это приводит к коренному изменению основных пропорций здания: резко сокращается площадь здания и в ещё большей степени возрастает его высота; здание теряет кубическую форму и приобретает облик «столпа» с пирамидальной вершиной. В результате шатровая церковь производит впечатление неудержимого стремления ввысь и уже не подавляет нерасчленёнными массами камня, а, напротив, вызывает ощущение простора, лёгкости, света.

Наиболее замечательнейшими памятниками шатровой архитектуры являются церковь в подмосковном с. Коломенском (1532 г.) и собор Василия Блаженного в Москве (1555—1560 гг.). Церковь в с. Коломенском, расположенная на высоком (правом) берегу Москва-реки и представляющая гигантский 58-метровый столп, стремительно подымающийся ввысь, производит потрясающее по силе впечатление гармониче-

ским совершенством своих форм. Современники говорили о церкви в с. Коломенском, что она «вельми чу́дна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала преже сего на Руси». И эту силу эмоционального воздействия она сохраняет и до сих пор, заставив гениального французского композитора Берлиоза назвать её «Чудом из чудес».

Своего высшего расцвета шатровый стиль достигает в соборе Василия Блаженного, построенном русскими зодчими Посником и Бармой. Собор с самого начала был задуман как монумент славы Ивана Грозного, в ознаменование победы над Казанским и Астраханским ханствами. Будучи памятником шатровой архитектуры, собор Василия Блаженного совершенно оригинален в разрешении художественных проблем. В отличие от церкви в с. Коломенском, представляющей собой одиночный столп, увенчанный шатром, собор Василия Блаженного является группой из девяти церквей. «Тайна» обаяния собора Василия Блаженного заключается в той удивительной гармонии, с которой строителям его удалось объединить в одно художественное целое все девять храмов. Достигнуто это было не путём унификации архитектурных форм. При этом каждая из девяти церквей собора Василия Блаженного имеет совершенно индивидуальный облик, не похожа одна на другую. Но подобно тому, как художник создаёт свой образ путём сочетания красок, так и зодчие собора Василия Блаженного, соединив церкви, добились того, что они, словно драгоценный камень под лучами солнца, заиграли бесконечным множеством и разнообразием своих барабанов и глав,

кокошников и шатров, граней и рельефов, создавая образ, полнокровный и красочный, как сама жизнь, торжественный и радостный, как победа, которую должен был славить собор.

Великие произведения русского зодчества XVI в. явились выражением глубоких изменений в области искусства, которыми характеризуется эпоха Ивана Грозного. Но эти процессы не ограничиваются рамками архитектуры. Они столь же характерны и для другой важнейшей области искусства — живописи. Наиболее существенной чертой в развитии русской живописи эпохи Ивана Грозного является стремление к выходу из рамок чисто религиозного искусства, стремление сблизить искусство с жизнью и теми проблемами, которые стоят перед обществом.

Эти новые черты русского искусства XVI в. ярче всего отразились в фресковой росписи Золотой палаты Кремлёвского дворца. Живопись Золотой палаты носила глубоко политический характер. Это была грандиозная художественная композиция на тему о сущности и значении царской власти. Фрески Золотой палаты должны были средствами живописи и языком образов пропагандировать те же идеи о самодержавии и божественной природе власти русских царей, которые составляли содержание публицистики того времени. Центральное место во всей росписи занимал образ мудрого и воинственного юного царя, который должен был напоминать современникам о молодом Иване Грозном, только что торжествовавшем победу над Казанью. Политическая живопись фресковых росписей оказала своё влияние и на ико-

нопись, где представителем этого вида живописи является замечательная икона «Церковь воинствующая» (Государственная Третьяковская галлерея). Это огромное панно (2 аршина в высоту и 9 аршин в длину) изображает апофеоз христианского воинства, возвращающегося после разрушения «города неверных». Сюжет «Церкви воинствующей» был навеян походами против Казани, и в христианском воинстве, разрушившем город неверных, современники легко узнавали русские полки, завоевавшие Казань, а в молодом вожде этого войска нетрудно было угадать царя Ивана Грозного.

Подобно архитектуре, и живопись Ивана Грозного характеризуется отходом от византийских традиций и усилением национального колорита. Искусство приобретает более земной, реалистический характер. Эти стилистические черты русской живописи эпохи Ивана Грозного роднят её с западноевропейской живописью раннего Возрождения.

ГЛАВА V

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

Центральными вопросами внешней политики России эпохи Ивана Грозного являлись Восточный (Казанский) и Балтийский (Ливонский) вопросы. Внешняя политика правительства Ивана Грозного отличалась столь же активным характером, как и внутренняя, и была подчинена той же цели — укрепления русского национального государства.

Актуальность Восточного вопроса во внешней политике Русского государства XVI в. определялась фактом наличия системы татарских го-

сударств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к политической гегемонии в Восточной Европе.

Характерной чертой в борьбе Русского государства с его противниками на Востоке является возрастающая зависимость поволжских татарских государств — и прежде всего Казанского ханства — от Турецкой империи и её крымских вассалов. Переломным моментом здесь является начало 20-х гг. XVI в., когда в Казани воцаряется хан из враждебного России дома крымских Гиреев (1521 г.) и когда Казанское ханство формально вступает в отношения вассальной зависимости от Турции (1524 г.).

Политика правительства Ивана Грозного в Восточном вопросе характеризуется чётко выраженной тенденцией к доведению до конца борьбы с Казанским ханством путём его разгрома. Такой характер Восточной политики Русского государства был вполне закономерным. Активная внешняя политика — и в первую очередь Восточная политика — являлась одним из важнейших средств для укрепления и дальнейшего развития русского национального государства. Было бы глубоко ошибочным рассматривать борьбу России с Казанью только в плане московско-казанских отношений: она имела международное значение. Казань в первой половине XVI в. являлась своеобразным фокусом, в котором концентрировались враждебные Русскому государству силы. Это делало Казанское ханство главной внешней силой, тормозящей процесс сложения русского национального государства и противодействующей этому процессу. Реакционная роль Казанского ханства проявлялась в двояком отношении.

Во-первых, наличие враждебных России и агрессивных татарских государств в Восточной Европе содержало в себе угрозу возможности восстановления в той или иной форме татарского ига. Опасность эта в первой половине XVI в. была вполне реальной. Она выступает в форме борьбы крымских ханов Гиреев за подчинение себе Казанского и Астраханского ханств и создание таким образом мощной системы татарских государств, охватывающей Русское государство с востока и юга. Опасность эта была тем сильнее, что за Крымом стояла Турция, претендовавшая на роль гегемона в Восточной Европе. В решающий момент, в 50-е гг. XVI в., именно турецкий султан выступил в роли организатора всех сил для борьбы с Россией.

Помимо этого непосредственного значения Казани как враждебной России силы реакционная роль Казанского ханства заключалась в том, что оно сковывало силы Русского государства и не давало ему возможности вести активную борьбу с врагами на Западе.

Положение самого Казанского ханства накануне его падения характеризуется нарастающим внутренним кризисом, развивающимся как по линии борьбы между отдельными феодальными татарскими группировками, так и в форме нарастания борьбы угнетённых народов Казанского ханства. В борьбе между Русским государством и Казанским ханством зависимые народы, входившие в состав Казанского ханства, являлись существенным фактором. В отличие от России, Казанское ханство не являлось единым в национальном отношении государством, а представляло собой многоплемённое государ-

ственное образование, в состав которого, помимо татар, являвшихся господствующей национальностью, входили марийцы, удмурты, мордва и башкиры. Зависимые народы Казанского ханства подвергались двойной эксплуатации: со стороны своих собственных феодалов и со стороны татарских феодалов; при этом социальный гнёт сочетался и дополнялся гнётом национальным. Назревающий кризис Казанского ханства не мог не вызывать среди народов, входивших в него, тенденций к разрыву своей зависимости от Казани, которые ещё более усиливались в обстановке растущей зависимости Казанского ханства от крымских ханов.

Внутренний кризис Казанского ханства особенно обострился в правление малолетнего Утемиш-Гирея, ставшего ханом после смерти его отца Сафа-Гирея в 1549 г. Рост недовольства крымской династией Гиреев и стоящей у власти крымской и казанской знатью со стороны широких слоёв населения Казанского ханства привёл к низложению казанцами Утемиш-Гирея летом 1551 г. и заключению соглашения с Русским государством. По этому соглашению Казанское ханство, сохраняя свою самостоятельность, становилось в вассальные отношения к России, лишаясь при этом части своей территории по правому берегу Волги (так называемая Горная сторона). Новым казанским ханом стал хан Шах-Али, кандидат русского правительства.

Дальнейший ход событий, однако, выявил, что соглашение это явилось лишь тактическим манёвром со стороны татарской знати, продолжавшей готовиться к борьбе с Русским государством.

Политическая борьба в Казани развёртывалась вокруг двух вопросов. Первым из них был вопрос о Горной стороне. Казанские правящие круги настойчиво добивались возврата Казанскому ханству Горной стороны. В свою очередь правительство Ивана Грозного не менее настойчиво требовало от казанцев освобождения и отпуска на родину русских пленных, что обязались сделать казанцы по соглашению с Русским государством.

Остроту политического кризиса Казанского ханства ещё более усиливали внешнеполитические факторы. Активная Восточная политика России имела своим последствием активизацию политики Крымского ханства и стоящей за его спиной Турции. Стремясь не допустить разгрома Казанского ханства, Турция выступает в роли организатора коалиции турецко-татарских ханств, направленной против Русского государства. Весной 1551 г. турецкий султан Сулейман II отправил к одному из ногайских князей, Исмаилу, специального посла с призывом к борьбе против Русского государства. В своём послании султан указывал на то, что «русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманы высока». Сулейман II выдвигал план объединения, под верховным руководством Турции, Казанского, Крымского ханств и ногайцев для совместной борьбы против России. Однако реализация этого плана наталкивалась на большие трудности. Наиболее слабым звеном турецкого проекта являлись ногайцы. По плану Сулеймана II они должны были играть главную роль в борьбе против России. В действительности же значительная часть ногайских князей поддерживала дружеские отношения с Иваном

Грозным и не желала включаться в антирусскую коалицию.

Весной 1552 г. в Казани происходит новый переворот, сопровождающийся открытым разрывом с Русским государством и началом военных действий против него. В ответ на это правительство Ивана Грозного начинает подготовку похода на Казань. Для похода были мобилизованы огромные силы. По свидетельству современников, армия Ивана Грозного достигала 150 000 человек, с большим количеством артиллерии и другой военной техники.

В полном соответствии со своим планом Турция и Крым сделали попытку путём внезапного удара на Русское государство сорвать Казанский поход. Правительство Ивана Грозного, однако, ожидало нападения со стороны Крыма и Турции и легко отразило натиск крымско-турецкого войска, обратив в бегство стоявшего во главе его крымского хана Девлет-Гирея.

Поход 1552 г. закончился взятием Казани, после полуторамесячной осады, 2 октября 1552 г., и ликвидацией Казанского ханства со включением его территории в состав Русского государства. Попытки татарских феодалов восстановить Казанское ханство, опираясь на поддержку ногайцев, были ликвидированы. Подавлено было и массовое восстание народов Поволжья, стремившихся использовать разгром Казанского ханства для своего освобождения от иноземного гнёта. Падение Казанского ханства предрешило судьбу и других татарских государств. В 1556 г. к Русскому государству была присоединена Астрахань. Тогда же признали себя данниками Русского государства хан

Сибирского ханства Едигер[1] (1555 г.) и ногайский князь Исмаил.

Включение в состав Русского государства территории Поволжья с народами, входившими в состав Казанского и Астраханского ханств, означало превращение Русского государства в многонациональное государство. Несмотря на то, что включение народов Поволжья в состав Русского государства не уничтожило угнетённого положения этих народов, процесс превращения Русского государства в многонациональное государство имел прогрессивный характер. Ибо «... интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шёл быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, ещё не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство».[2]

Разгром Казанского ханства завершает длительный процесс борьбы Русского государства на Востоке. Система государств, претендовавших на гегемонию в Восточной Европе, была уничтожена. Устранена была опасность, постоянно угрожавшая Русскому государству с Востока. Россия вышла победительницей из многовековой борьбы.

---

[1] Однако позднее, с воцарением хана Кучума, Сибирь отложилась от Русского государства и окончательно была присоединена к России уже в самом конце царствования Ивана Грозного, в результате похода Ермака 1581 г.

[2] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 73.

ГЛАВА VI

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Размышляя о причинах падения Ливонии, ливонский летописец XVI в. Рюссов в качестве первой и главной причины выдвигает следующее: «Пока великий князь Московский воевал с другими князьями в России и с Казанским и Астраханским царствами, то Московит оставлял ливонцев в покое. Когда же великий князь Московский покорил все княжества в России и оба упомянутые татарские царства, то с ним не мог уже справиться не только Ливонский магистр, но и король». В этих словах Рюссова очень верно оценено международное значение казанских и астраханских побед Ивана Грозного. Успешное разрешение Восточного вопроса создало предпосылки для перенесения центра тяжести во внешней политике России с Востока на Запад. Через два года после присоединения Астрахани Иван Грозный начинает великую борьбу за выход России к Балтийскому морю.

Ливонская война, начавшаяся как раз в середине царствования Ивана Грозного и закончившаяся всего за несколько месяцев до его смерти, — по справедливости может быть названа делом жизни царя Ивана Васильевича. Этот крутой поворот во внешней политике Русского государства, — который, по его историческому значению и последствиям, правильнее было бы назвать переворотом в международных отношениях России, — был осуществлён им в острой борьбе с виднейшими политическими кругами и вопреки их воле. В письме к Курбскому Иван

Грозный прямо говорит, что он смог начать «войну на Германы» только потому, что «не послушался» своих советников: Сильвестра, Адашева и их друзей. История высоко оценила этот акт Ивана Грозного. В своём решении начать Ливонскую войну Иван Грозный встаёт во весь рост как великий политик, нашедший путь к разрешению коренного вопроса исторического развития России. В этом деле им руководила также политическая цель — возвратить русскому народу его старинную «отчину» и «дедину».

Необходимым условием развития Русского государства являлось укрепление экономических и культурных связей с Западной Европой, равно как и активное участие России в делах европейской политики. Между тем Русское государство в XVI в. фактически не имело надёжных форм и путей для сношений с западноевропейскими странами, ибо было отделено от Западной Европы враждебными ему государствами: Польско-Литовским государством и Ливонией. Немецкие феодалы и купцы — хозяева Ливонии — держали в своих руках ключи от наиболее удобного, выгодного и надёжного пути в Западную Европу через Балтийское море. Положение дел не изменилось даже после «открытия» англичанами в 1553 г. морского пути в Россию через Белое море. При всей важности для России сношений с Англией (что подчёркивалось Иваном Грозным его политикой усиленного покровительства английской торговле в России), они всё же не разрешали проблемы «выхода в Европу», продолжавшей и после 1553 г. сохранять всю остроту и первостепенное значение.

Опасаясь усиления Русского государства, Ливония в отношениях с Россией проводила политику её фактической блокады. Реальность этой блокады с наибольшей яркостью выявилась в 1548 г., когда ливонцы сорвали план Ивана Грозного привлечь на русскую службу группу западноевропейских специалистов, завербованных в количестве 123 человек агентом Ивана Грозного Гансом Шлитте, не пропустив их в Русское государство. Такая позиция Ливонии делала неизбежной вооружённую борьбу России за выход к Балтийскому морю. Первый этап в этой многовековой борьбе и составила Ливонская война 1558—1583 гг.

Созданная в XIII в. немецкими рыцарями-меченосцами на земле завоёванных ими балтийских племён эстонцев и латышей Ливония в XVI в. являла собой картину растущего политического распада и морального разложения. Территория Ливонии была разделена между Ливонским рыцарским орденом, епископами и городами: Ригой, Ревелем, Дерптом (Юрьевом). Эти феодальные владетели Ливонии формально считались объединёнными в некую федерацию, возглавляемую Ливонским орденом, но фактически были совершенно независимыми и вечно враждовали друг с другом.

Господами Ливонии были немецкие феодалы и купцы, беспощадно эксплуатировавшие крепостных крестьян — латышей и эстонцев — и истреблявшие их национальную культуру.

Потомки немецких рыцарей-меченосцев, прошедших «огнём и мечом» Прибалтику и остановленных в их «натиске на Восток» (Drang nach Osten) лишь решительным отпором рус-

ского народа, разгромившего немцев в 1242 г. под знаменем Александра Невского и отбросившего их от русских границ, — ливонские немцы XVI в. очень мало походили на своих закованных в железо предков. От меченосцев XIII в. ливонцы сохранили лишь способность к безудержному грабежу своих крепостных и страсть к разгулу и пьянству, давно уже перестав быть воинами-профессионалами, какими были рыцари XIII в.

Безразличие к общегосударственным интересам и неспособность и нежелание защищать своё государство от внешних врагов ливонцы стремились возместить агрессивной внешней политикой, призывая к борьбе против России и пугая западноевропейские государства жупелом «великой и страшной мощи московита, исполненного жажды захватить Ливонию и приобрести господство на Балтийском море, что неминуемо повлечёт за собой подчинение ему всех окружающих стран: Литвы, Польши и Швеции», — как писал в 1551 г. ливонский представитель германскому императору Карлу V.

Ливонская война с самого начала вскрыла всю гнилость государственного организма Ливонии. Первая же кампания 1558 г. принесла блестящие победы русскому оружию. Русскими войсками была пройдена почти вся Ливония — до Риги и Ревеля и взяты крупные ливонские города, в том числе важнейший порт Нарва и основанный в XI веке русскими г. Дерпт (Юрьев). Неспособность ливонцев противостоять русским войскам вынудила магистра Ливонского ордена обратиться к Ивану Грозному

с просьбой о перемирии, которое и было заключено в 1559 г., при посредничестве Дании, сроком на полгода. Но, прося о мире, правители Ливонии одновременно делали судорожные усилия добиться военной помощи против России от германского императора, Польши и других государств. Такая двойственная политика Ливонии заставила Ивана Грозного начать против неё в 1560 г. новый поход, снова принесший победу русским войскам, разбившим под г. Эрмессом цвет рыцарского войска, а также захватившим крупнейшую ливонскую крепость Феллин. Замечательно при этом, что огромную помощь русским войскам в Эрмесском сражении оказало местное латышское и эстонское население, помогшее русскому войску обойти немецкие войска. Тяжесть военных поражений ливонских рыцарей ещё более усиливалась ростом борьбы эстонского и латышского народов против немцев внутри самой Ливонии. В том же 1560 г. в Ливонии вспыхнуло крестьянское восстание. Восставшие крестьяне сжигали немецкие помещичьи усадьбы и уничтожали своих угнетателей-немцев.

В такой обстановке полного развала и деморализации правящие классы Ливонии встали на путь спасения своих привилегий ценой потери государственной самостоятельности Ливонии, отдавшись под покровительство иностранных государств. Эстляндия отошла под власть Швеции, о. Эзель — к Дании, Лифляндия была передана магистром Ливонского ордена польскому королю, а Курляндия превратилась в зависимое от Польши герцогство, во главе которого встал бывший магистр Ливонского ордена. В 1561 г. Ливония — это государство немецких

«псов-рыцарей», по выражению Маркса, — перестала существовать.

Ливонская победа имела для России огромное значение. Оно заключалось прежде всего в демонстрации перед Западной Европой мощи Русского государства. «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой», — писал о России один француз знаменитому Кальвину в августе 1558 г. под влиянием русских побед. И этот отклик на Ливонскую войну можно считать характерным для её оценки в Европе. Не менее важно было и непосредственное значение успехов в Ливонии для самого Русского государства. Здесь надо прежде всего отметить огромную роль Нарвы, ставшей важнейшим русским портом на Балтийском море. Значение Нарвы для России лучше всего можно охарактеризовать словами одной анонимной записки (под устрашающим заглавием: «О страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как елико московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море»), представленной германскому рейхстагу в 1570 г. Вот какие строки посвящает Нарве этот безымянный враг России: «Отовсюду с Запада, из Франции, Англии, Шотландии и Нидерландов, несмотря на запрещения, везут в Нарву оружие и съестные припасы... Привозят в Москву много шёлка, бархата, полотна... Много доставляют царю золотой и серебряной утвари... Всего же опаснее то обстоятельство, что многие правительства доставляют Московитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело, искусных в сооружении гаваней, портов, бастионов

и крепостей, затем оружейных мастеров, которым хорошо знакомо Балтийское море, его течение, гавани и пр. Все эти сношения Европы с царём придали ему мужества; теперь он стремится стать господином Балтики; достигнуть этого ему будет не трудно...». Так Нарва стала настоящим «окном в Европу» для Русского государства.

Разгром Ливонии Россией означал, однако, лишь начало борьбы за Балтийское море. Балтийский вопрос являлся узлом скрещения противоречивых интересов важнейших европейских государств XVI в. Германия и Польша, Швеция, Дания, даже Англия с Испанией имели свои интересы на Балтике. Выход России к Балтийскому морю означал коренное изменение всей международной обстановки. Это делало неизбежным вмешательство в борьбу за «Ливонское наследство» и Польши, и Швеции, и Дании. Так Иван Грозный оказался перед лицом грандиозной задачи — удержать свои завоевания в Прибалтике перед натиском сильнейших европейских государств.

В дальнейшем ходе Ливонской войны можно наметить три периода. Распад Ливонии открывает второй период Ливонской войны, охватывающий 1561—1570 гг. Содержанием его является борьба за Ливонию между Русским государством и Литвой и Польшей. Польский король Сигизмунд-Август (бывший одновременно и великим князем Литовским) предъявил Ивану Грозному требование о прекращении войны в Ливонии и одновременно начал военные действия против России. Новая война ведётся Иваном Грозным с не меньшим успехом. В 1563 г. русское войско, возглавляемое самим

царём, одерживает блестящую победу над польско-литовскими войсками, взяв Полоцк, древний русский город и сильнейшую крепость в Литве. Неудачи в войне с Россией заставили Сигизмунда-Августа обратиться к Ивану Грозному с предложением о прекращении войны на условии сохранения за воюющими сторонами тех территорий, которыми они владели в момент окончания военных действий. При всей выгодности этих предложений (Полоцк оставался в руках русских!) они, однако, означали отказ от основной цели войны — завоевания Ливонии. Важность вопроса, от того или иного решения которого зависела судьба всего государства, заставила Ивана Грозного созвать в 1566 г. земский собор, поставив на его обсуждение польские предложения. Собор высказался за отклонение польских условий, одобрив этим внешнюю политику Ивана Грозного. Дальнейший ход военных действий, однако, шёл с переменным успехом, что и привело к заключению между Россией и Польшей в 1570 г. перемирия на 3 года.

К этому времени международная обстановка существенным образом изменилась, и притом в невыгодную для России сторону. Три события имели наибольшее значение для Русского государства. Во-первых, в 1569 г. между Польшей и Литвой была заключена так называемая Люблинская уния, по условиям которой Польша и Литва превращались в единое государство Речь Посполитую (тогда как до 1569 г. Литва сохраняла значительную степень самостоятельности). Вторым фактором, также ухудшавшим международное положение Русского государства, была активизация враждебных России

действий со стороны Турции и Крыма, открывших, начиная с 1569 г., серию новых походов против России, крупнейшим из которых был поход крымского хана Девлет-Гирея 1571 г., когда крымцам удалось прорваться в глубь России вплоть до самой Москвы и сжечь её (за исключением Кремля). Наконец, в 1570 г. закончилась Семилетняя война между Данией и Швецией, сковывавшая силы последней и лишавшая шведов возможности активно выступить против России.

В такой обстановке начался третий период Ливонской войны, заполненный борьбой между Россией и Швецией (1570—1577 гг.). Иван Грозный вступил в этот этап борьбы за Балтику с блестящим дипломатическим планом создания из Ливонии особого государства, находящегося под покровительством России. Ливонским королём был посажен брат датского короля герцог Магнус, причём характер и размеры власти Магнуса определялись особым договором между ним и Иваном Грозным. Магнус в этом договоре официально назывался «голдовником» (т. е. вассалом) России, а Ливония признавалась «отчиной» Ивана Грозного. Смысл этого плана Ивана Грозного заключался в том, что, предоставляя Ливонии автономию (при сохранении за собой контроля над ней), Иван Грозный привлекал этим на сторону России местное население Ливонии, что облегчало дальнейшую борьбу за Прибалтику. Кроме того, провозглашение Магнуса королём Ливонии устраняло опасность вмешательства Дании в ливонские дела. Такова была дипломатическая подготовка России к войне против Швеции — наиболее опасного в тот момент противника России

в Прибалтике. Целая серия походов в Прибалтику против шведов приносит России ряд новых военных успехов, и к концу 1577 г. большая часть Ливонии, за исключением Курляндии, была занята русскими войсками. Однако Ивану Грозному не удалось взять ни Риги, ни Ревеля, находившихся под охраной шведского флота.

1577 год открывает собой четвёртый период Ливонской войны. В эти последние годы Великой балтийской войны Россия ведёт борьбу сразу с двумя противниками: и с Швецией, и с Польшей. За семилетие 1570—1577 гг. Польша пережила бурные годы двойного «бескоролевья»: после смерти в 1572 г. Сигизмунда-Августа и вторично — с отъездом из Польши во Францию в 1574 г. нового польского короля Генриха Валуа. Внутренний кризис не только выводит Польшу из числа участников борьбы за Ливонию, но даже делает возможным выдвижение кандидатуры Ивана Грозного на польский престол. В конечном счёте, однако, победителями в борьбе вокруг кандидатуры нового польского короля оказались враждебные Русскому государству круги, и польским королём оказался избранным семиградский (трансильванский) воевода венгерец Стефан Баторий.

Избрание Батория польским королём означало возобновление Польшей войны против России: это было одно из главных обязательств, данных Баторием при его избрании в короли. После первых вооружённых столкновений (1577—1578 гг.) и безрезультатных переговоров о перемирии Баторий организует один за другим три похода на Русское государство (в 1579, 1580 и 1581 гг.) и захватывает Полоцк

(1579 г.) и ряд городов на территории Русского государства (Великие Луки, Велиж, Остров), осадив осенью 1581 г. Псков. Одновременно шведы развёртывают наступление в Эстляндии и захватывают Нарву и всё русское побережье Финского залива.

Неудачный для Русского государства ход военных действий в последнем периоде Ливонской войны объясняется как неравенством сил (России пришлось вести войну против двух сильнейших в военном отношении государств с более передовой к тому же военной техникой), так и острым внутренним кризисом самого Русского государства в результате опричнины. В этой обстановке объективные интересы Русского государства требовали скорейшего прекращения войны, хотя бы и ценой временного отказа от осуществления целей, вызвавших данную войну. С другой стороны, безуспешная осада Баторием Пскова (геройски отразившего все попытки поляков захватить древний русский город) и рост недовольства его политикой как внутри Польши, так и в самой армии Батория, заставили польского короля, в свою очередь, стремиться к заключению мира с Русским государством. Мирные переговоры между Россией и Польшей (при посредничестве представителя папы, иезуита Антония Поссевина) закончились в январе 1582 г. заключением перемирия на 10 лет, с отказом сторон от завоёванных территорий (что означало для Русского государства потерю Лифляндии). В 1583 г. под давлением Батория Иван Грозный был вынужден заключить трёхлетнее перемирие и со Швецией, с оставлением в её руках захваченных шведами русских городов.

Так кончилась Ливонская война. Несмотря на то, что России не удалось удержать в своих руках балтийские берега, значение борьбы Ивана Грозного в Ливонии огромно. Исторический смысл этой борьбы подчёркивает Маркс в своих «Хронологических выписках»: «Он (Иван Грозный. — *И. С.*) был настойчив в своих попытках против Ливонии; *их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю* и *открыть пути сообщения с Европой.* Вот причина, почему Пётр так им восхищался!».[1] Эта параллель Маркса между Иваном Грозным и Петром Великим лучше всего показывает, насколько верно определил Иван Грозный направление внешней политики России и как глубоко отвечала национальным интересам Русского государства «война на Германы», которую он с такой страстью и решительностью вёл.

ГЛАВА VII

ОПРИЧНИНА

Корни неудачного для России исхода Ливонской войны надо искать прежде всего в том остром внутреннем кризисе, которым характеризуется история Русского государства во второй половине XVI в.

Политика защиты интересов дворянства и укрепления централизованного самодержавного государства, нашедшая своё выражение в реформах 50-х гг. XVI в., имела своим результа-

---

[1] «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 148. Курсив Маркса.

том резкое обострение противоречий и борьбу между помещиками-дворянами и боярством. Первые проявления борьбы боярства против политики правительства Ивана Грозного относятся ещё к концу 40-х гг. Так, поход на Казань в 1549—1550 гг. был фактически сорван местническими распрями княжат и бояр, отказывавшихся подчиняться царским распоряжениям. Не менее отчётливо проявилось враждебное отношение боярства к политике Ивана Грозного в 1552 г., когда бояре, которым царь приказал обсудить вопрос об отмене кормлений и о положении в Казани, «возжелеша богатства и начаша о кормлениях сидети, а Казанское строение поотложиша». Но ярче всего характер борьбы боярства, цели её и причины борьбы князей и бояр против правительства Ивана Грозного выявил политический кризис 1553 г. в связи с болезнью царя.

Весной 1553 г. Иван Грозный внезапно заболел «и тако бяше болен, яко многим чаяти: к концу приближися». Болезнь царя обнаружила резкое недовольство им со стороны боярства, и когда встал вопрос о принесении присяги наследнику Ивана Грозного, его малолетнему сыну, царевичу Дмитрию, значительная часть виднейших князей и бояр отказалась целовать крест. Во главе мятежных бояр стоял двоюродный брат Ивана Грозного, князь Владимир Андреевич Старицкий, в пользу которого и готовился государственный переворот. Мятеж бояр был вызван, по словам самих его участников, антибоярской политикой правительства Ивана Грозного: тем, «что их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит».

События 1553 г. выявили не только недовольство боярства правительством Ивана Грозного, но также вскрыли и наличие двух группировок в составе самого правительства. Главным объектом боярского недовольства в 1553 г. были Захарьины — родня жены Ивана Грозного. Именно «приближение» Захарьиных (презрительно называемых в княжеских кругах «молодыми», т. е. незнатными людьми) к царю, через женитьбу его на Анастасии Романовне Захарьиной, рассматривалось князьями и боярами как бесчестие и утеснение «великих родов». Перспектива перехода власти к Захарьиным в случае смерти Ивана Грозного и подняла на открытый мятеж виднейшие княжеские и боярские роды. Но эта же перспектива имела то последствие, что другая группа руководящих политических деятелей, во главе с Адашевым и попом Сильвестром, опасаясь своего оттеснения от власти Захарьиными, в свою очередь, выступила против них, став тем самым на путь сближения с княжеско-боярской оппозицией, возможность блокирования с которой облегчалась для этой группы наличием старых связей Сильвестра с домом Владимира Старицкого. События 1553 г. ещё более накалили политическую атмосферу: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всём скудость».

Следующий же, 1554, год обнаружил новое проявление боярской смуты в виде заговора князей Лобановых-Ростовских. Особенностью этого заговора была попытка прямого использования для борьбы против правительства внешней силы — Литовского государства, кото-

рое заговорщики провоцировали на продолжение войны с Россией (настаивая в секретных письмах литовским послам в Москве, «чтобы они с царём и великим князем не мирилися, а царство оскудело, а Казани царю и великому князю не здержати, ужо её покинет»).

Суровая расправа с участниками заговора Лобановых-Ростовских и ряд мер, направленных против Владимира Старицкого (запрещение ему принимать к себе на службу людей), привели к временному ослаблению борьбы боярства против Ивана Грозного и дали возможность ему провести в 1555—1556 гг. важнейшие государственные реформы. Но начало Ливонской войны создало вновь благоприятную обстановку для возобновления борьбы княжат и бояр, особенно после вмешательства в эту войну Литовского государства и Польши. К началу 60-х гг. происходит разрыв Ивана Грозного с группой Сильвестра и Адашева, окончательно сомкнувшейся с княжатами и оформившей это сближение образованием того интимного кружка политиков, который Курбский назвал «избранной радой», неправильно и тенденциозно объявив в то же время «избранную раду» правительством, державшим в руках власть в 50-х гг. XVI в.

В ответ на новое усиление борьбы княжат и бояр правительство Ивана Грозного решительно вступает на путь открытых репрессий против боярства в форме казней и опал виднейших его представителей. В 1563 г. репрессии обрушиваются и на самого главу княжеско-боярской оппозиции, князя Владимира Старицкого, уличённого в «многих неправдах к царю и великому князю». Двор Старицкого князя был

распущен, и к крамольному князю были приставлены царские бояре и дьяки, а его мать, княгиня Ефросинья, была насильственно пострижена в монахини. В свою очередь, боярство в борьбе против Ивана Грозного становится на путь прямой государственной измены, особенно страшной в обстановке войны. Бегство весной 1564 г. в Литву князя Андрея Михайловича Курбского, одного из высших воеводачальников и вместе с тем активного участника «избранной рады», означало открытое объявление войны царю со стороны княжат, и сам Курбский начал её немедленно: и оружием публициста — своими посланиями Ивану Грозному, и непосредственным участием в войне — на этот раз уже на стороне врагов Русского государства.

Эта обстановка, создавшаяся в Русском государстве к середине 60-х гг. XVI в., вполне объясняет новый поворот в политике правительства Ивана Грозного, который вылился в форму опричнины.

Политическая борьба 50-х гг. XVI в. выявила со всей определённостью не только резко враждебное отношение княжеско-боярских кругов к политике укрепления централизованного самодержавного государства, опирающегося на дворян-помещиков и защищающего их интересы, но также и силу сопротивления этой политике со стороны князей и бояр. Источники этой силы, позволявшей князьям и боярам с таким упорством вести свою борьбу, крылись как в том, что, будучи побеждены политически, князья и бояре сохранили почти не затронутыми свои экономические позиции в виде огромных земельных владений в своих родо-

вых вотчинах, внутри которых князья продолжали вести и чувствовать себя настоящими «государями» удельных времён, — так и в том, что традиционные формы государственного аппарата Русского государства давали князьям и боярам возможность использовать их для своей борьбы за власть. Всё это, в сочетании с напряжённой обстановкой войны, диктовало Ивану Грозному необходимость применения для борьбы против княжеско-боярской оппозиции особых, чрезвычайных методов борьбы, рассчитанных на окончательный разгром боярства. Эти новые методы в политике Ивана Грозного и вылились в своеобразные формы опричнины.

Переход к опричнине был облечён Иваном Грозным в форму своего рода государственного переворота «сверху». 3 декабря 1564 г. царь, захватив свои драгоценности и казну, неожиданно выехал из Москвы, вместе с семьёй и приближёнными лицами и в сопровождении большого отряда вооружённых дворян, в Александровскую слободу. Оттуда Иван Грозный направил в столицу, на имя митрополита Афанасия, грамоту с обвинением бояр в «измене» и с заявлением, что он, царь, «не хотя их многих изменных дел терпети, оставил своё государство», т. е. отказался от власти. Письмо царя являлось открытым ультиматумом боярству, что и подчёркивалось Иваном Грозным фактом одновременной посылки другой грамоты — населению Москвы, — в которой царь объявлял москвичам «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Послания царя вызвали в Москве огромное

возбуждение. Бояре вынуждены были обратиться к митрополиту с просьбой, чтобы он «царя на милость умолил», чтобы царь «гнев свой отвратил, милость показал и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государствы правил, якоже годно ему, государю». Ответ москвичей на царское письмо носил совершенно иной характер. «Гости и купцы и все гражане града Москвы» потребовали от митрополита передать царю, чтобы он «государства не оставлял и их на расхищение волком не давал, наипаче же от рук силных избавлял; а кто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят».

В такой обстановке митрополиту не оставалось ничего иного, как отправить к царю делегацию от церковных властей и бояр, с заявлением о покорности и с просьбой взять обратно своё решение об отказе от власти; наряду с делегатами от церкви и бояр, своих представителей к царю послали и чёрные люди. Приезд делегаций в Александровскую слободу сделал ясной политическую обстановку и выявил соотношение сил: население Москвы поддерживало царя и одобряло его действия, а боярство вынуждено было капитулировать. Ответом царя на челобитья о возвращении на государство и явилось провозглашение Иваном Грозным опричнины: «что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чём ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своём государьстве себе опричнину».

Политика опричнины имела своей целью разгромить княжеско-боярскую реакцию политиче-

ски и ликвидировать экономические основы могущества боярства. Началом политики опричнины явилось создание чрезвычайного аппарата власти, не связанного никакими традициями, ограничивающими самодержавную власть (местничество, боярская дума, особые права митрополита и т. д.), и особого же «опричного» войска. Политическим и административным центром, осуществлявшим опричную политику, явился созданный тогда же «особный двор» (опричная резиденция царя), с самостоятельными опричными приказами, «особной казной» и даже особым «опричным советом» (Counsel of the Opressini), известным из английских источников. Тогда же было положено начало и опричному войску в виде отряда в 1000 человек, отобранных из помещиков опричных уездов и получивших название «опричников».

Одновременно с созданием опричного аппарата власти и управления было произведено разделение территории Русского государства на две части: на «опричнину» и «земщину», точнее, из общей территории государства были выделены земли «в опричнину», а остальная часть государства получила имя «земщины». Весь старый государственный аппарат сохранял своё значение только для территории земщины, где царь «приказал» ведать «воинство, и суд, и управу, и всякие дела земские» боярам князю И. Д. Бельскому и князю И. Ф. Мстиславскому «и всем бояром», с тем, чтобы в тех случаях, когда «ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити». Опричные же земли ведались и опричными органами власти.

В состав опричных земель были включены главным образом центральные и южные уезды, являвшиеся районами господства княжеско-боярского землевладения (Можайск, Вязьма, Ростов, Ярославль, Суздаль, Шуя, Галич и др.; Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Медынь и др.; позднее — Кострома, Дмитров, Переяславль, Бежецкая и Обонежская пятины Новгорода и др.). Наряду с ними в опричнину были взяты, главным образом на Севере, земли, имевшие важное торговое и промысловое значение (Двина, Устюг-Великий, Каргополь, Вологда, Белоозеро, владения Строгановых на Урале). Взятие районов господства княжеско-боярского землевладения в опричнину, т. е. распространение на эти местности опричных порядков, являлось основной формой борьбы против боярства. Политический смысл этого мероприятия заключался в том, что взятие земель в опричнину сопровождалось «перебором людишек» (по выражению Ивана Грозного), т. е. пересмотром всего землевладения новой опричной территории. Существо «перебора людишек» состояло в том, что объявление данной местности опричной территорией означало конфискацию земель и выселение оттуда всех землевладельцев, не включённых в число опричников, т. е., в первую очередь, — княжат и бояр, конфискованные же земли брались «на государя» и раздавались в поместье опричникам-дворянам. Таким образом, земельная политика опричнины наносила удар по самой основе мощи боярства, по их «великим вотчинам», из-за которых, как догадывался Курбский, Иван Грозный и «погубил» его собратьев-князей. Разрушив княжеские и бояр-

ские вотчины, опричнина вместе с тем означала насаждение новых и новых поместных земель, в которые превращались раздаваемые царём конфискованные вотчины (на поместном праве, т. е. без прежних родовых привилегий, и, конечно, во много меньших размерах получали земли и бояре взамен конфискованных вотчин).

Вторым методом достижения политических целей опричнины был массовый политический террор против боярства. Можно считать твёрдо установленным, что, вопреки целому направлению в историографии об Иване Грозном, казни Ивана Грозного — не патология, а политика, вызванная к жизни борьбой князей и бояр за власть и имевшая целью физическое истребление наиболее видных представителей враждебных княжеско-боярских родов. Опричный террор принял огромные размеры. Число казнённых во время опричнины (неполные списки которых сохранились в так называемых «синодиках») превышает 3 тысячи человек. Главный удар опричнина нанесла князьям. Среди казнённых в годы опричнины можно насчитать представителей более сорока княжеских родов. Не менее сильно пострадало и нетитулованное боярство. В бурях опричнины бесследно исчезли виднейшие боярские роды. При этом вместе с казнями князей и бояр разрушались и их «дворы» с десятками и даже сотнями «слуг», составлявших вооружённую силу князей и бояр в виде собственных княжеских и боярских «полков». Неизбежность такой политики опричного террора, её объективная необходимость диктовалась тем, что в борьбе против царя князья и бояре не останавливались ни перед

какими средствами, вплоть до попытки выдачи Ивана Грозного польскому королю, как это выяснило следствие по делу о боярском заговоре 1567 г., во главе которого стоял князь Владимир Старицкий, а участниками оказались виднейшие князья и бояре (в том числе и бояре из опричнины) и высшие церковные власти.

Ожесточённая политическая борьба в годы опричнины находит своё отражение и в сфере идеологии, где борьба прогрессивных и реакционных идей принимает не менее страстный характер, получив своё наиболее полное выражение в переписке между Иваном Грозным и Курбским.

В лице Курбского реакционные князья и бояре нашли своего певца и философа, сумевшего притязания князей и бояр на власть поднять до высоты целой философской теории и с высоты этой теории осудить самодержавное государство, развитие которого несло с собой неминуемую гибель родовитой феодальной знати.

Политический смысл публицистики Курбского и его памфлета «История князя великого Московского» и посланий Ивану Грозному заключался в принципиальном отрицании самодержавия как формы государства. Для обоснования своих политических взглядов Курбский развивает целую теорию о «свободном естестве человеческом», о естественных правах человека, с которыми не может быть совместимо самодержавие, бросая Ивану Грозному обвинение в том, что он своим самодержавием «затворил Русскую землю, сиречь свободное естество человеческое, аки во адове твердыне».

Этой реакционной — несмотря на весь её внешний блеск и высокую культуру — идеоло-

гии Иван Грозный противопоставил учение о самодержавном государстве, развернув в ответных письмах боярину-эмигранту принципы строительства нового государства и заклеймив Курбского как «преступника» и изменника своей родины.

И в области идеологии Иван Грозный ставит и решает те же коренные вопросы исторического развития Русского государства, которые практически решались им в кровавой борьбе против боярской «измены».

Будучи особой формой проведения политики экономического и политического разгрома боярства, опричнина явилась важнейшим этапом в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков. Очень точно эту сторону политики опричнины охарактеризовал сам Иван Грозный в своём известном письме к опричнику Василию Грязному: «Отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». На что Грязной ответил не менее ярко: «Ты, государь, аки бог: и мала и велика чинишь». Опричнина окончательно сделала поместье главной и господствующей формой феодального землевладения, оттеснив на задний план боярскую вотчину. Опричнина окончательно закрепила руководящее положение дворянства в Русском государстве, оттеснив на задний план бояр и князей. И своеобразным итогом опричнины могут служить нижеследующие строки беглеца из России в Литву Тимофея Тетерина боярину М. Я. Морозову: «Которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не токмо землёю владеют, но и головами вашими торгуют».

Не менее важное значение имела опричнина для дальнейшего укрепления и развития централизованного самодержавного государства. Ломка всех традиционных форм и методов управления, сосредоточение всей полноты реальной власти в руках царя Ивана Грозного и его опричных учреждений означали в своём существе рост и укрепление самодержавной власти. Опричнина окончательно и навсегда сломила боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя русского национального государства. В этом исторический смысл опричнины. В этом её основное прогрессивное значение.

В 1572 г. «государь опришнину отставил». К этому времени основная цель опричнины — разгром боярства — была уже осуществлена. Это дало возможность Ивану Грозному реорганизовать опричные порядки, уничтожив самый термин «опричнина» и переименовав опричные учреждения и полки в «дворовые». Одновременно Иван Грозный проводит некоторые мероприятия, направленные к тому, чтобы привлечь на свою сторону боярские круги, возвращая отдельным землевладельцам конфискованные у них в годы опричнины родовые вотчины. Но «отставка» опричнины не изменила основного направления политики Ивана Грозного. В последнее десятилетие своего царствования он проводит столь же последовательную политику укрепления централизованного самодержавного государства, и в глазах современников «двор» Ивана Грозного продолжал оставаться прежней «опричниной».

ГЛАВА VIII

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Опричнина Ивана Грозного имела ещё одну сторону, не столь, может быть, бросающуюся в глаза, как полная трагизма борьба царя с князьями и боярами, но не менее важную и существенную. Она ознаменовала собой новый этап в развитии крепостного права. Чтобы познакомиться с этой стороной опричнины, надо, однако, покинуть стены московского Кремля и перенестись в русскую деревню XVI в. Именно здесь осуществлялась крестьянская политика опричнины.

Политика опричнины по отношению к крестьянству характеризуется разгромом крестьянского хозяйства и экспроприацией значительной части крестьянских земель в пользу феодалов. Захват опричниками княжеских и боярских земель сопровождался захватом и тех земель, которые крестьяне обрабатывали на себя, с превращением этих земель в помещичью, барскую пашню. Одной из форм, в которых осуществлялся этот захват крестьянских земель, было размежевание земских и опричных земель. Как выглядело это размежевание на практике, лучше всего можно рассказать словами челобитной крестьян с. Борисовского, Владимирского уезда. В этой челобитной, поданной в 1585 г., крестьяне просили вернуть им землю, незаконно отмежёванную у них писцом Игнатием Блудовым, причём челобитная так объясняла долгое молчание крестьян: «Молчали мы по ся места, потому, что Суздальский уезд был в опричнине, а наше село Борисовское было в земском, и

мы ждали времени, как государю побити челом, да не лучилося... А как Игнатий Блудов писал и *отмежевал в опришнину, и ему тогда была воля: что хотел, то писал,* и отписал у нас тогда Игнатей луг за рекою за Нерлью против села Мордаша, а ставитца на нём сена 300 копен; да Игнатей же отмежевал у нас лесу-бору по ту же сторону Нерли, 80 десятин, и тот лес отдал в Суздальский уезд к селу Батыеву, а ныне то село за Савою за Фроловым». Так крестьянская земля стала помещичьей землёй! Следует заметить, что и 1585 г. не изменил положения вещей. Земля осталась за Саввой Фроловым. Результатом этого захвата крестьянских земель было резкое уменьшение крестьянской запашки на двор во второй половине XVI в. Если в 50—60-х гг. средняя величина запашки на двор колеблется между 7—8 четвертями (четверть — полдесятины), то начиная с 70-х гг. средний размер запашки на крестьянский двор падает до 3—4 четвертей.

В период опричнины особую остроту приобретает борьба за крестьянина как рабочую силу. Стремление опричников-помещиков увеличить количество крестьян на своих землях выливалось в формы настоящей охоты на крестьян. Не удовлетворяясь переманиванием крестьян по правилам Судебника, в Юрьев день, тех крестьян, которые не хотели добровольно переходить к ним, опричники вывозили силой. При этом опричники захватывали и крестьянское имущество, уничтожая то, что нельзя было перевезти в своё поместье. Современные документы сохранили яркие факты разорения крестьянского хозяйства опричниками и их насилий над крестьянами. Вот официальный акт-описание

одной из деревень Новгородской области, где побывали опричники: «В деревне в Кюлакше лук (участок. — *И. С.*) пуст Игнатка Лутьянова, запустел от опричнины — опричники живот (имущество. — *И. С.*) пограбили, а скотину засекли, а сам умер, дети безвестно сбежали; хоромишек избенцо да клетишко. В той же деревне лук пуст Еремейка Афанасова, запустел от опричнины — опричники живот пограбили, а самого убили, детей у него нет; хоромишек избенцо да хлев; в той же деревне лук пуст Мелентейка, запустел от опричнины — опричники живот пограбили, скотину засекли, сам безвестно сбежал». Таков типичный образец деятельности опричников! Не менее красочно об охоте опричников за крестьянами и их имуществом рассказывает в своих записках немецкий авантюрист Генрих Штаден, особенно хорошо знакомый с деятельностью опричников, так как сам был в их числе: «Кто (из крестьян. — *И. С.*) не хотел добром переходить от земских под опричных, тех вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились и сжигались и крестьянские дворы».

Период опричнины характеризуется изменением самих форм эксплуатации крестьянства. В 70-х гг. XVI в. приобретает широкое распространение юридическая формула, предоставлявшая помещикам право определять размеры крестьянских повинностей по своему усмотрению: — «чем они их изоброчат», вытеснившая старую формулу, определявшую размеры крестьянских повинностей «по старине, как давали доход прежним помещикам». Эта новая формула определения размеров крестьянских повинностей отразила в себе процесс усиления

7*

эксплуатации крестьянства в годы опричнины. По свидетельству современников — Таубе и Крузе, опричники-помещики увеличили размер повинностей крестьян в несколько раз: «бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет». То же самое отмечает и русский писатель-современник Зиновий Отенский, рисующий яркую картину того, как бог наказал Русскую землю тем, что «милость владущих на жестокое отягчение преложи, от мысли владущих и суд и правду сотре, и милость и щедроты потреби, принуди же на подвластных истязовати множайшая дани паче прежних».

Усиление феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства во время опричнины и удар, который опричнина нанесла крестьянскому хозяйству, подготовили ликвидацию тех остатков крестьянской свободы, которые еще сохранялись в XVI в. в форме права крестьянского перехода (т. е. права крестьянина уйти от помещика), хотя и ограниченного правилами Судебника 1550 г. об уплате пожилого и Юрьевом дне.

Выражая в своей политике по крестьянскому вопросу классовые интересы дворян-помещиков, Иван Грозный осуществляет ликвидацию Юрьева дня изданием в 1581 г. закона о заповедных летах, запрещавшего крестьянские переходы. Установление заповедных лет и начатое тогда же составление писцовых книг, записывавших крестьян за теми помещиками, за которыми их закрепили указы о заповедных летах, оформили в общегосударственном масштабе новый этап в истории развития крепостного

права в России, который принесла с собой эпоха опричнины.

Крупнейшие изменения в области социально-экономических отношений, которыми характеризуется время опричнины, сильнейшим образом отразились на всём хозяйстве Русского государства. В прямой связи с опричниной стоит важнейшее явление экономической истории России второй половины XVI в. — так называемый «хозяйственный кризис» 70—80-х гг. XVI в. Ломка княжеско-боярского землевладения, огромные размеры мобилизации земель (т. е. перехода земель из рук в руки), насаждение массы новых поместий, резкое ухудшение положения крестьянства в результате усиления эксплуатации и разорения крестьянского хозяйства — всё это, в сочетании с отрицательным влиянием многолетней Ливонской войны на экономику страны, привело к резкому ухудшению экономического положения Русского государства, вылившемуся в 70—80-х гг. XVI в. в настоящий хозяйственный кризис огромной силы. Главной формой проявления этого кризиса было так называемое «запустение Центра», т. е. массовое запустение центральных районов Русского государства в результате бегства сельского и городского населения, забрасывавшего свои дворы и деревни и «запустошавшего» (т. е. перестававшего обрабатывать) землю, обращавшуюся в «перелог» и зараставшую «лесом». По свидетельству современника, «многая множество селян своя рала (т. е. сохи) повергша, разыдошася» (Зиновий Отенский). Размеры этого запустения достигали в некоторых районах (в Новгородской области) четырёх пятых всей обрабатывавшейся ранее земли. Не менее

сильно было выражено «запустение» и в городах, зачастую сохранявших лишь незначительную часть своего населения. Расстройство сельского хозяйства — основы экономики Русского государства — отразилось и на всех других областях хозяйственной жизни, равно как и на финансах. [1]

Таким образом, конец царствования Ивана Грозного характеризуется резким ухудшением экономического положения Русского государства и ростом классовых противоречий, свидетельствуя о назревании общего кризиса в государстве, разразившегося уже после смерти Ивана Грозного восстанием Ивана Болотникова.

ГЛАВА IX

СТРАСТИ И ИДЕИ

Политик огромного размаха, Иван Грозный был человеком больших страстей. Это в равной мере относится и к его личной жизни, и к деятельности как государя. В биографии Ивана Грозного можно найти великую любовь

---

[1] Попытки Ивана Грозного преодолеть действие кризиса на государственные финансы и увеличить приток налоговых поступлений в казну, переложив вместе с тем тяжесть кризиса с помещиков на другие социальные группы, нашли своё выражение в «приговорах» церковных соборов 1580 и 1584 гг. о запрещении монастырям приобретения новых земель и отписке на государя незаконно приобретённых монастырями княжеских вотчин, и об отмене тарханов, т. е. о ликвидации финансовых привилегий, освобождавших церковь от платежа налогов, причём оба эти мероприятия мотивировались необходимостью облегчить положение «воинства, служилых людей».

и великую ненависть, но в ней нет места мелким и слабым чувствам. Равно поражает в Иване Грозном и необычайная сила чувства к «юнице» Анастасии, как он продолжает называть свою жену почти двадцать лет спустя после её смерти (в письме к Курбскому). И безграничная тоска, вылившаяся в знаменитые строки его духовного завещания: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня».[1] И беспредельное отчаяние после рокового удара посохом в висок царевича Ивана...[2] Но здесь же перед нами и другой строй чувств. Страшный, безудержный гнев, лишающий царя Ивана всякого контроля над своим поведением и поражающий без разбора — и политических врагов Ивана Грозного, и его любимого сына-наследника. И наряду с этим холодная жестокость, позволяющая, например, царю пронзить остриём своего посоха ногу Василия Шибанова и в таком положении, опираясь на посох, слушать чтение письма от Курбского, привезённого Шибановым. (Позднее, в ответе Курбскому, Иван Грозный воздаст должное Шибанову, противопоставив позорному поступку князя Курбского, изменившего своему государю, мужество его слуги, оставшегося до конца верным своему господину.) То же смешение противоречивых чувств превращает

[1] В переводе В. О. Ключевского.

[2] О душевном состоянии Ивана Грозного даёт представление современная запись о том, как, будучи в январе 1583 г. (т. е. более года спустя после смерти сына) в Троице-Сергиевом монастыре, «о царевиче Иване плакал и рыдал и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданием».

Ивана Грозного в надменного владыку, гордо заявляющего Стефану Баторию, что он, Иван, является царём «по божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению», или презрительно называющего королеву Елизавету «пошлой девицей» на том основании, что в Англии государственные дела решаются не королевой, а «торговыми мужиками» (т. е. палатой общин парламента). И тут же рядом побуждает Ивана Грозного разыгрывать комедию с передачей своего титула татарскому князьку, касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу, и писанием новому «великому князю всея Руси» притворных униженных челобитных, в которых Иван Грозный называет себя «Иванец Васильев с своими детишками с Иванцом да с Феодорцом» и просит разрешения «перебрать людишек». Или толкает царя на устройство в Александровской слободе мрачного маскарада с переодеваниями в монашеские одежды и с шутовским исполнением Иваном Грозным обязанностей игумна, а опричниками — монастырской братии.

Этот водоворот страстей и чувств, в которых проходит жизнь Ивана Грозного, не означает, однако, что он был безвольным рабом своих страстей. Мы бы вернулись на позиции князя Щербатова, если бы ограничились одной лишь констатацией этих противоречивых страстей и чувств, определяющих поведение Ивана Грозного. Если на первый взгляд может действительно показаться, что царь Иван «в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является», то более пристальное изучение жизни и деятельности Ивана Грозного заставляет сделать совсем иной вывод. Как ни

сильны страсти у Ивана Грозного, как ни велика их власть над ним, всё же поведение Ивана Грозного как политика и государя определяется не ими, а факторами совсем иного рода. Самой, может быть, замечательной чертой Ивана Грозного является то, что вся его политическая деятельность покоится на вполне определённых, глубоко продуманных идеологических основаниях; что он выступает перед нами как проводник определённых политических идей, целой политической программы. И если страстная натура Ивана Грозного и оказывает влияние на его действия и поступки, то это влияние выражается в той силе и страсти, с которой Иван Грозный борется за свои *идеи*, за проведение в жизнь своих политических принципов. Так в Иване Грозном *человек* и *государственный деятель* оказываются в неразрывном единстве с *теоретиком*, *публицистом*, политическим *писателем*.

Как писатель Иван Грозный занимает совершенно особое место среди своих современников. Политические воззрения Ивана Грозного представляют собой крайнюю форму выражения теорий московских книжников о самодержавной власти русских государей. Но, тесно и органически примыкая к этим теориям, Иван Грозный не является, однако, простым компилятором, излагающим взгляды, заимствованные от других. Своеобразие Ивана Грозного как политического писателя заключается в том, что, будучи теоретиком и защитником самодержавия, он выступает при этом как апологет своей собственной власти, придавая своим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех

принципов, которыми *он сам* — царь — руководствуется в управлении государством. Эта черта воззрений Ивана Грозного придаёт его писаниям совершенно особый, неповторимый колорит: практическая деятельность подымается здесь до высоты теории, превращаясь в форму проведения в жизнь принципов этой теории, а сама теория выступает как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность.

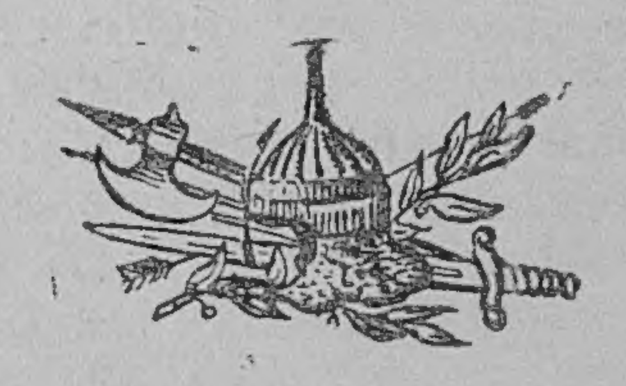
Основная цель всех литературных произведений Ивана Грозного заключается в том, чтобы доказать полную правоту своего поведения, подчеркнуть принципиальный характер своей политики, соответствие её основным принципам государства и власти. Это определяет и логическую схему публицистических построений Ивана Грозного, с наибольшей полнотой изложенных царём Иваном в его знаменитой переписке с Курбским.

В России изначала, «божиим соизволением», существует «самодержавство» — «от великого князя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением..., и даже дойде и до нас смиренных» (т. е. до самого Ивана Грозного). Но это самодержавие оказалось под угрозой в результате изменнических действий «бояр и вельмож», захвативших в свои руки власть и лишивших царя принадлежащих ему прав: «от бога державу данную мне от прародителей наших под свою власть отторгли». Захват власти боярами означал неминуемую гибель государства: «Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же от междоусобных браней престанут». Об этом говорит свя-

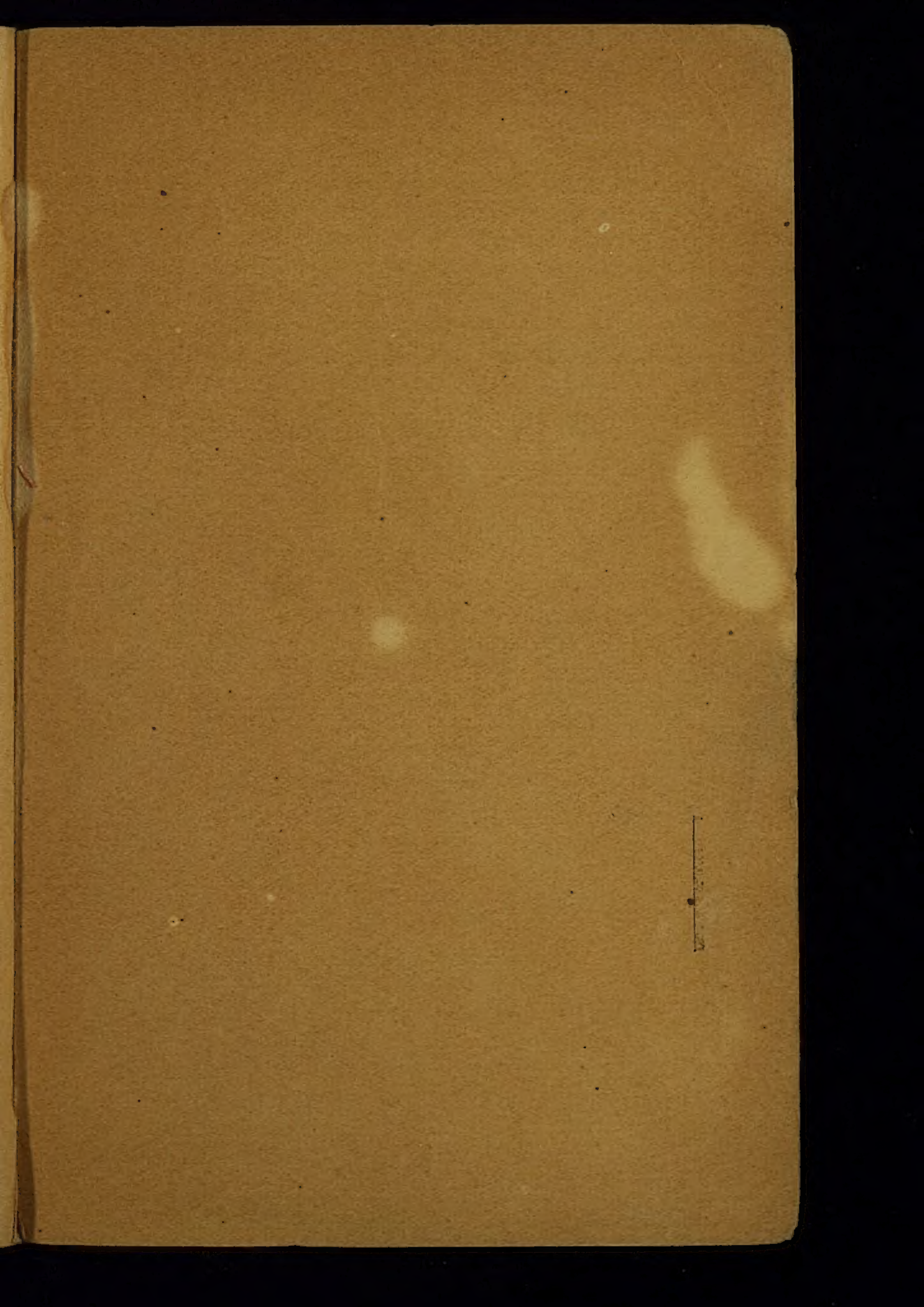
щенное писание: «К сему же пророк рече: Горе дому, им же домом жена обладает; горе граду, им же мнози обладают». Этому же учит и мировая история: от древнего Израиля до Рима и Византии. Но он, царь Иван, не мог допустить такого самовольства со стороны своих подданных, не мог примириться с узурпацией его священных прав. «Доселе Русские владетели не изтязуемы были ни от кого же, но повольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем». Так и он решил «своё царство в своей руке держати, а работным своим владети не давати». Встал на защиту своих прав («за себя есми стал») и вернул себе власть, превратившись из самодержца по имени в действительно самодержавного царя. Но самодержавная власть означает абсолютные и неограниченные права государя над жизнью и смертью всех его подданных — «холопов». Этот основной принцип самодержавной власти Иван Грозный формулирует следующим образом: «А жаловати своих холопей вольны, а и казнити вольны ж». Так и поступил сам Иван Грозный: тех, кто служит верно, «и мы того жалуем великим всяким жалованьем», а изменники — «по своей вине и казнь приемлют». Именно такими и должны быть цари: «И повсегда убо царем подобает обозрительным быти: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость мученье; аще ли же сего не имея, несть царь: царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не боятися власти? благо твори; аще ли злое твориши, бойся: не бо туне меч носит — в месть злодеем, в похвалу добродеем».

Таково существо политических воззрений Ивана Грозного. Историческая наука долгое время недооценивала Ивана Грозного как писателя (как недооценивала она и вообще значение Ивана Грозного как исторического деятеля). Ироническая характеристика Ивана Грозного как писателя, данная Курбским, назвавшим письмо к нему царя «широковещательным и многошумящим посланием», оказала определяющее влияние на оценку Ивана Грозного как публициста. Но объективный исследователь должен резко разойтись с идеологом московских княжат. Ни особенности формы, далёкой от совершенства, ни своеобразие литературного стиля Ивана Грозного не могут заслонить основного значения писаний царя как единственной в своём роде попытки теоретического осмысления и обоснования деятельности государя, сделанной им самим.

Так Иван Грозный выступает не только как выдающийся политик, сыгравший крупнейшую роль в развитии и укреплении Русского государства, но и как теоретик этого государства, сознательно проводивший в жизнь провозглашённые им принципы.

2 руб.